



Лиана Вейл

ОТВЕРГНУТАЯ НЕВЕСТА

Сорок дней
с проклятым драконом

18+

Лиана Вейл

**Отвергнутая невеста. Сорок
дней с проклятым драконом**

«Автор»

2026

Вейл Л.

Отвергнутая невеста. Сорок дней с проклятым драконом /
Л. Вейл — «Автор», 2026

На моём помолвочном испытании жених надел кольцо на палец моей сестры. Я ещё не успела снять праздничное платье, когда другой дракон предложил мне стать его женой. Дариан Вейр. Королевский инквизитор. Сорок дней брака — и сорок золотых на собственную мастерскую. Ему нужны мои руки: я умею распускать заклятия, вплетённые в ткань. Мне нужны деньги, чтобы больше не работать на родных даром. У меня будут отдельная спальня и свой ключ. Есть только один запрет: никаких настоящих брачных клятв. Теперь я живу в доме, где погибла его мать, и разбираю покров, который хранит тайну её смерти. Дариан держит лампу над моей работой, согревает замёрзшие пальцы и целует так, что я забываю, сколько дней нам осталось. Я всё чаще думаю о том, чтобы остаться. Но в этом доме свадебная клятва может стоить невесте жизни. Однотомник. Хэппи-энд.

© Вейл Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Невеста с глухой искрой	5
Глава 2. Сорок дней и отдельная комната	12
Глава 3. Дом хранит чужие обещания	19
Глава 4. Ключ от мастерской	25
Глава 5. Чья жена на городском рынке	32
Глава 6. Женщина на портрете	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Лиана Вейл

Отвергнутая невеста. Сорок дней с проклятым драконом

Глава 1. Невеста с глухой искрой

Нора попросила дать ей мою голубую ленту, пока я зашивала рукав свадебного платья. До объявления помолвки оставалось меньше часа, игла цеплялась за шёлк, а сестра стояла перед зеркалом и прикладывала к волосам одну ленту за другой. Голубая лежала у моего локтя. Я купила её ещё весной, когда Ренар впервые сказал, что осенью мы подадим прошение в Палату, и с тех пор берегла в коробке с хорошими нитками.

— Возьми зелёную. Она тебе к глазам, — сказала я, вытягивая стежок.

Нора посмотрела на меня через зеркало. Платье ей тоже шила я, вчера ночью закончила манжеты. Теперь исправляла собственный рукав: отец вспомнил, что у невесты дракона должны быть закрыты запястья.

— Зелёная слишком простая. Ты голубую всё равно не надеваешь.

— Сегодня надену.

Сестра опустила ленту на стол и принялась поправлять гребень. Я услышала, как его зубцы скребнули по коже, и подняла голову. Нора торопилась, хотя обычно могла четверть часа выбирать, какую серьгу примерить первой.

— Ты расстроишься, если испытание не получится? — спросила она.

Я прижала край рукава большим пальцем. На подушечке остался старый белый след от иглы; рядом вчерашний прокол ещё щипал.

— Конечно. Только оно получится. Мы с Ренаром уже проверяли полотно.

— Дома. А там всё иначе.

— Полотно не знает, где его держат.

Нора закусила губу и отвела глаза. Мне захотелось спросить, что она слышала, но в дверь постучал отец. Он вошёл с праздничной цепью на жилете, расправив плечи, как перед встречей с богатым заказчиком.

— Леона, покажи руки.

Я послушно перевернула ладони. Под ногтями оставалась медная пыль. Отмыть её до конца не удалось, хотя я тёрла пальцы щёткой, пока вода в тазу не покраснела.

— Перчатки, — сказал отец. — Гости не должны думать, что я гоняю тебя в мастерскую перед самой помолвкой.

На его рукаве было три серебряных листа. Я вплела их месяц назад, чтобы сукно отталкивало воду. Покупателям отец говорил, что рисунок пришёл ему во сне. Он взял полотно для испытания и разгладил складку; я успела перехватить его запястье.

— Там ещё не закреплён край. Дай мне.

— Всё, что нужно, должно было быть готово вчера.

Он отпустил ткань. Нора засуетилась у зеркала, будто не слышала нашего разговора, а я расправила полотно на коленях. Белый шёлк, узкая золотая дорожка, два свободных конца. Один следовало замкнуть на моей руке, другой — на руке Ренара. Если сила обоих проходила по кругу без сопротивления, над полотном загорались две золотые искры. Палата требовала это испытание от драконьих семей перед утверждением помолвки. Сильного дара от человеческой невесты не ждали; требовалось, чтобы чужая магия её не отталкивала.

На пробе всё вышло с первого раза. Ренар обнял меня за талию, велел перестать волноваться. Я была благодарна ему даже за то, что он не смеётся над моими страхами.

Теперь на изнанке что-то едва слышно звякнуло.

Я провела ногтем вдоль золотой дорожки. Вплетённая сила обычно отзывалась ровным тонким гулом, который я чувствовала скорее в зубах, чем в ушах. Здесь к нему примешивался сухой скрежет, будто по стеклу протащили песчинку. Я наклонилась к узлу, но отец уже стоял над душой.

— Что опять?

— Край цепляется. Мне нужна минута.

— Возьмёшь иглу с собой. Карета подана.

Я повернула ткань к окну. У двери Нора уронила гребень, наклонилась за ним и долго не поднималась. Отец посмотрел на часы. Сейчас он начнёт подсчитывать, сколько стоит ждать кучеру. Сухой звук исчез, когда я ослабила натяжение. Может быть, ночью слишком туго затянула последний виток.

Я завернула полотно в платок и надела перчатки. Голубую ленту всё-таки забрала. Нора помогла завязать её под косой, затянула узел до боли у висков и коротко коснулась моей спины.

— Не злись на меня сегодня, ладно?

— За что мне злиться?

Она пожала плечами и первой вышла из комнаты. Я посмотрела на своё бледное лицо. В карете можно будет поправить край. Потом Ренар назовёт дату свадьбы, и я наконец увезу свой станок туда, где никто не станет будить меня ради срочного заказа.

В малом зале Палаты пахло воском и мокрыми плащами. За высокими окнами шёл дождь; вода дробилась о стекло, и в этой дробе терялся голос регистратора, объяснявшего порядок испытания. Отец пригласил портовых торговцев, цехового старосту и женщин, которым мы продавали защитные ткани. Они оглядывали платье и поглядывали на серебряное кольцо у Ренара в пальцах.

Неделю назад я примеряла кольцо. Оно оказалось великовато, Ренар обещал отдать его ювелиру. Сегодня было стыдно напоминать об этом при гостях.

— Сними перчатку, Лея, — сказал он.

Я протянула ему полотно, а сама стала тянуть тесную ткань с руки. На влажной коже она не скользила. Ренар посмотрел на белый след у меня на пальце, и его губы дрогнули.

— Опять укололась? Ты же обещала побережись.

— Манжету доделывала.

— Есть работницы.

Он произнёс это негромко, но жена судовладельца услышала и понимающе кивнула. Я спрятала снятую перчатку в складках юбки. Нора стояла за плечом отца. На ней была зелёная лента, и я зачем-то обрадовалась, будто сестра послушалась моего совета и между нами всё осталось как утром.

У дальней двери появился высокий мужчина в тёмном дорожном сюртуке. Взгляд мой зацепился за его руки: голые, с короткими ногтями, без перчаток и колец. Потом я увидела знак инквизиции у воротника. Отец выпрямился, цеховой староста замолчал на полуслове, а регистратор отложил приготовленный лист и поспешил поклониться.

— Лорд Вейр. Мы не знали, что вы...

— Продолжайте. Я к вам по другому делу.

Мужчина остался у двери. Люди осторожно отодвинулись, освобождая ему место, хотя он ни о чём не просил. Я знала фамилию Вейр. После его прошлогодней проверки на таможене владельца склада увезли ночью. Отец тогда три дня проверял наши накладные.

— Леона Тарен, — позвал регистратор. — Начнём.

Я поставила ноги ровно, чтобы подол не мешал, и взяла свободный конец полотна. Ренар замкнул свой на запястье поверх манжеты. На домашней пробе он делал это на голой коже. Но дорожка отозвалась, и я не стала поправлять. По белому шёлку побежал тёплый свет. У основания моего большого пальца кольнуло, будто игла снова вошла в зажившую ранку.

— Не сжимайте руку, — сказал регистратор. — Дайте искре пройти.

Я раскрыла ладонь. Свет добрался до середины полотна, остановился и стал тускнеть. Тонкий гул сорвался в тот самый сухой скрежет. Я потянулась к изнанке, но Ренар крепче прижал свой край к запястью.

— Подожди. Ты сбиваешь натяжение.

— Там что-то мешает.

Он не ответил. Регистратор подвёл к ткани стеклянную лампу. Внутри неё шевельнулась золотая точка, раздвоиться не смогла и погасла. Я направила силу ещё раз, осторожнее. В груди потянуло, скрежет усилился, перед глазами поплыли окна.

— Достаточно, — сказал кто-то у двери.

Я выдохнула, распустила петлю на руке и успела ухватиться за стол. Регистратор забрал лампу. Ренар отпустил ткань, и сухой звук оборвался так резко, что я наконец различила чужую нить. Она лежала под золотой, тёмная и тусклая, почти незаметная в сгине. Железо. Вчера, когда я закрепляла дорожку, его здесь не было.

Я подцепила нить ногтем. Ренар взял меня за запястье.

— Не трогай. Испытание закончено.

— Мне нужно посмотреть узел.

— Ты всё видела, Лея.

Он всё ещё держал кольцо в другой руке. Я смотрела на него и не понимала, почему он не уберёт эту маленькую серебряную вещь. Гости притихли. Отец кашлянул и сказал, что я переутомилась: готовила приданое, мало спала, несомненно, нужно дать мне несколько дней. Ренар покачал головой. Его пальцы сжимали моё запястье.

— Мы оба знаем, что дело не во сне. Твой дар не выдерживает даже пробного соединения.

— Дома выдерживал.

— Дома не присутствовал представитель Палаты. Я надеялся, что ты справишься, но рисковать будущим моего рода не могу.

Отец шагнул к нам. Я заметила, как он постарался заслонить меня от торговцев: закрыть моё лицо от взглядов.

— Мы обсудим это позже, Ренар.

— Обсуждать больше нечего. Я отказываюсь от прошения о помолвке с Леоной Тарен.

Я дёрнула руку, и он наконец отпустил. На коже остались красные полосы. Цеховая дама посмотрела на мой рукав так, будто теперь видела в нём дешёвую подделку. Я попыталась ещё раз поднять полотно. Регистратор накрыл его чистым сукном.

— Вещь должна остаться в Палате до закрытия записи.

— Это моя работа.

— Поданная для испытания, госпожа. Вам выдадут расписку.

Я кивнула и прислонила ладонь к холодному краю стола. Если бы начала говорить, то сорвалась бы на крик. Железная нить скрылась под сукном. Под ней оставались мои ровные стежки, ночь над свечой и две золотые искры, которые я так отчётливо видела на домашней пробе.

— Нора, подойди, — сказал Ренар.

Сестра двинулась сразу. Не спросила зачем, не оглянулась на отца. Её юбка коснулась моей, когда она остановилась рядом, и я узнала запах духов: розмарин и сладкий миндаль. Флакон подарил ей Ренар. Мне из той поездки он привёз ткань для приданого.

Ренар взял её руку.

— Я намерен подать новое прошение. Нора согласилась стать моей женой. Её дар мы проверим отдельно, как полагается.

Кольцо оказалось ей впору. Он надел его без малейшей заминки, а я вспоминала своё объяснение ювелиру: палец у меня слишком тонкий, можно ли уменьшить ободок, не потревожив камень? Никто не уменьшал. Значит, и не собирался.

— Лея... — Нора потянулась ко мне свободной рукой.

Я отступила. Её пальцы замерли, она прижала их к груди, и Ренар немедленно обнял её за плечи. Гости увидели, как новой невесте понадобилась защита от старшей сестры. У меня закружилась голова; при этом я до смешного ясно подумала, что голубая лента завязана криво и все наверняка это заметили.

— Когда ты успела согласиться? — спросила я.

Нора посмотрела на отца. Тот потянулся к очкам, обнаружил, что они уже лежат в кармане, и стал вытирать переносицу платком.

— Здесь не место, — произнёс он.

— Я спрашиваю сестру.

— Лея, прошу тебя, — сказала Нора. — Мы не хотели, чтобы вышло так больно.

У Ренара на манжете был выметан аккуратный край. Я увидела одну тёмную петельку между белыми стежками и вспомнила, как он утром взял полотно, пока я стягивала перчатку. По одной петельке его не обвинишь. Но Нора уже носила кольцо, которого он так и не переделал для меня.

Пока помощник регистратора писал расписку, Ренар и отец разговаривали у окна. Нора теребила зелёную ленту. Гости старались не смотреть на меня; никто не уходил, будто ещё можно было поздравить подходящую невесту.

Получив бумагу, я согнула её вчетверо. В сумочке оставалась одна перчатка; другую я так и не нашла. Возвращаться к столу не хотелось, я пошла к выходу с голой рукой. Лорд Вейр отступил, пропуская меня. Вблизи его глаза оказались янтарными, с тёмным ободком вокруг радужки. Я отвела взгляд, но он смотрел на мои пальцы.

— Вы удерживали дорожку, когда она уже распадалась, — сказал он тихо. — Кто вас учил?

— Сначала мать. Потом мастер в цехе.

Он кивнул. Я ждала вопроса о несостоявшейся свадьбе, но он спросил, где найти нашу мастерскую. Я назвала улицу. За его плечом виднелся коридор, а в конце коридора — открытая дверь на улицу. Я прошла мимо, держась за сумочку обеими руками. На ступенях остановилась: полотно осталось в Палате, а я так и не настояла, чтобы его проверили.

Отец вернулся раньше меня. По дороге я задержалась у красильни Миры, но войти не решилась: подруга задала бы один вопрос, и я расплакалась бы так, что не остановиться. Пошла домой, чувствуя, как дождь проникает за воротник.

В мастерской горели все лампы. У станка сидела работница с полосой тяжёлой ткани на коленях, а отец раскладывал на столе накладные. Когда я вошла, он поднял голову и оглядел мокрый подол.

— Могла дожидаться кучера. Испортила шёлк.

Я остановилась у сушильной рамы. Вдоль стены висели готовые заказы; на каждом прикрепили бумажку с отцовской печатью. Под чёрной охранной тканью для склада тянулась моя подпись, спрятанная в узор: три маленьких стежка, которые никто не считал именем. Я сделала её там из упрямства. Отец позволял ставить знак мастерской, и я укладывала свои стежки так, чтобы они казались частью этого знака.

— Ты знал про Нору? — спросила я.

Работница перестала шить. Отец дождался, пока она соберёт ткань, и велел закончить манжеты наверху. Мы остались вдвоём. Он сел, опёрся локтями о стол и некоторое время разглядывал свои пальцы.

— Я знал, что Ренар беспокоится о твоём даре.

— И потому кольцо всё это время оставалось по размеру Норы?

— Не начинай искать умысел в каждой мелочи. Сегодня все были расстроены.

Я развязала голубую ленту. Мокрый узел не поддавался; пришлось подцепить его ногтем. Отец смотрел, как я мучаюсь, и не помог. Когда лента наконец распустилась, на ней обнаружилась тёмная полоса от промокшей краски. Мира предупреждала меня, что дешёвые продавцы экономят на закрепителе. Мне тогда хотелось сэкономить на чём-нибудь, чтобы хватило на хорошие золотые нити.

— В полотно вплели железо, — сказала я. — На испытании. Или перед ним. Я слышала сбой ещё здесь.

— И промолчала?

— Ты не дал мне проверить.

Отец резко отодвинул накладные.

— Не перекладывай на меня свою ошибку. Ты взрослый человек, Леона. Если вещь была негодной, следовало сказать.

Я посмотрела на него и замолчала. В двадцать семь лет мне всё ещё требовалось отцовское разрешение, чтобы задержать карету на минуту, но отвечать за последствия я должна была сама. Я могла весь вечер объяснять, как железо отводит слабую силу в край. Завтра всё равно пришлось бы сесть за станок: заказ должен уйти до смены прилива.

— Я заберу свои инструменты, — сказала я.

Отец поднял глаза.

— Куда ты собралась?

— Пока не знаю.

— Так узнай, прежде чем устраивать сцену. Кто тебя примет после сегодняшнего? В цехе уже слышали. Самостоятельных заказов у тебя нет, денег тоже. Ты пользовалась моим материалом и моими покупателями десять лет.

Я потянулась к футляру на полке. Он был потёртый, с деревянной защёлкой, которую я дважды чинила. Мать подарила его мне, когда я впервые удержала силу в трёх связанных петлях. Отец накрыл футляр рукой. Его тяжёлая печатка стукнула по дереву.

— Не сейчас.

— Он мой.

— Я не отнимаю. Я прошу тебя успокоиться.

Я оставила руку на полке, рядом с его рукой. Он ждал, что я отступлю, а я никак не могла понять, когда стало возможным вот так: держать мои иглы и называть это просьбой. В комнате скрипел станок, хотя никто за ним не сидел. Непросохшая защитная нить сжималась от тепла ламп.

— У меня есть решение, — сказал отец наконец. — В цеховой обители за Южными воротами освободилось место. Там хорошие мастерские, спокойная жизнь. Поживёшь, поработаешь, придёшь в себя. Послушницам дают содержание. Заказы я буду передавать через смотрительницу.

— Оттуда нельзя выходить без разрешения.

— Зато никто не станет обсуждать твою помолвку.

— Ты хочешь отправить меня туда работать?

— Я хочу уберечь тебя от глупостей. Ты расстроена, и я понимаю. Но мастерскую нельзя бросить. По трём твоим полотнам уже взяты задатки. У нас обязательства.

Слово «у нас» он произнёс мягче остальных. Часть задатков уже потратили на платье Норы и праздничный стол. Я сама составила список покупок. Теперь стояла в мокром шёлке и думала о закрытых воротах, за которыми никто не узнает, кто сшил полотно с отцовской печатью.

В прихожей раздался стук. Отец не убрал руку с футляра, пока не услышал, кого объявила служанка. Тогда он вскочил так поспешно, что задел коленом стол, и пошёл навстречу гостю. Я сняла футляр с полки и крепко прижала к животу. Защёлка впилась в пальцы, зато перестало казаться, что я сейчас разревусь.

Дариан Вейр вошёл без сопровождающих. На его плечах блестели капли, тёмные волосы у виска намокли. Отец пригласил его в гостиную и принялся извиняться за беспорядок, но гость остановился в мастерской. Посмотрел на полотна, на мои красные руки, на раскрытые накладные. Я вдруг испугалась, что отец успеет сказать ему, будто это он придумал дорожку для испытания.

— Вы спрашивали, кто меня учил, — сказала я. — Если вам нужна схема, я могу объяснить.

Отец повернулся ко мне.

— Леона, лорд пришёл по делам.

— К вашей дочери, — уточнил Дариан.

Наступило молчание. Отец взялся за спинку стула и предложил всем сесть. Я осталась стоять: сидя пришлось бы положить футляр на стол, а выпускать его из рук не хотелось. Дариан снял мокрый плащ и повесил на свободный крюк. Отец проводил это движение недоумённым взглядом.

— Полотно для испытания вплетали вы? — спросил Дариан.

— Да.

— И складской покров с тройной обратной петлёй?

Я кивнула. Отец сделал шаг к столу.

— Разумеется, всё проходит под моим наблюдением. У дочери хороший навык, хотя с магией, как вы сегодня видели...

— Мне нужен именно навык.

Дариан говорил негромко. Он не смотрел на отца и тем не менее заставил его замолчать. Я слышала собственное дыхание, шорох дождя за стеклом и редкое потрескивание ламп. Его взгляд задержался на моём футляре, потом вернулся к лицу.

— В моём доме есть ткань, которую нужно восстановить. Старое вплетание, непростое. Сильные мастера повреждают дорожку раньше, чем понимают рисунок. Вы сегодня удержали чужую силу на почти оборванном стежке. Я хочу предложить вам эту работу.

— Ей нужно отдохнуть, — вмешался отец. — Мы как раз обсуждали...

— Я могу отвечать сама, — сказала я.

Голос сорвался. Я кашлянула и спросила, что за ткань. Дариан подождал, пока я закончу, и вынул из внутреннего кармана сложенный лист.

— Родовой брачный покров. На работу сорок дней. Вознаграждение — сорок золотых крон, жильё и материалы за мой счёт.

Отец сел. Мне пришлось переспросить сумму. За такие деньги можно было снять небольшую мастерскую, купить станок и не просить его оплачивать цеховой взнос. Но ни один ремонт не стоил столько, если от него не зависело что-то, о чём заказчик предпочитал молчать.

— Почему сорок дней?

— К этому сроку покров должен пройти обновление. Позже будет поздно.

— Вы хотите, чтобы я начала сегодня?

— Сегодня хочу, чтобы вы прочитали договор. Есть условие, без которого я не смогу впустить вас к ткани.

Он положил лист на чистый край стола. Я увидела две графы для имён и слова «срочный гражданский брак». На мгновение подумала, что неправильно прочла. Дариан отодвинул накладную, закрывавшую нижнюю строку, и я прочитала ещё раз.

— Вы предлагаете мне стать вашей женой?

— На сорок дней. Рабочие обязанности будут перечислены отдельно. Вы сможете проверить условия у своего советника.

Отец открыл рот, но Дариан поднял на него глаза, и тот передумал говорить. Я поставила футляр на стол, оставив ладонь на крышке. С утра я собиралась замуж за человека, который обещал мне дом. Теперь чужой дракон предлагал дом и деньги. За что?

— Я не согласилась, — сказала я.

— Я услышал.

Он развернул лист так, чтобы мне было удобнее читать, и убрал руку. Под мокрым воротником его сюртука виднелся край старого шрама. Я почему-то задержала на нём взгляд, прежде чем вернуться к строчкам. В договоре стояло моё полное имя. Не название отцовской мастерской, не знак в трёх стежках, а имя женщины, которой собирались заплатить за её работу. Дариан подождал, пока я дочитаю первый абзац, и предупредил, что в его доме нельзя произносить настоящие брачные клятвы. Я подняла голову. Он смотрел прямо на меня, и впервые за весь день никто не пытался сделать вид, будто ничего страшного не происходит.

Глава 2. Сорок дней и отдельная комната

Договор я забрала к Мире в старой папке для выкроек. Дариан оставил мне время до утра, а отец провожал его к двери так долго, что я успела переодеться, завернуть футляр в сухой платок и выйти через двор. За воротами я повернула было к Палате: хотелось забрать полотно, ещё раз проверить узел. Но она уже закрылась. Я пошла к красильне, прижимая папку к груди.

Мира запирала ставни. Увидев меня, придержала последнюю, пропустила внутрь и крикнула ученику, чтобы тот шёл домой через парадную дверь. В красильне стоял кислый запах закрепителя; под потолком сохли бордовые полосы, с одной падали редкие тёмные капли. Мира отнесла папку подальше от чана, повесила мой мокрый плащ и только тогда спросила:

— Он хоть дождался, пока гости уйдут? Ученик слышал про тебя на рынке. Рассказал такое, что я подумала: врёт.

Я покачала головой. Мира достала две миски и разлила похлёбку. Хорошо, что не стала обнимать: я бы сразу разревелась. Поэтому смогла стянуть мокрые чулки, поставить ноги на перекладину стула и взять ложку.

— Кольцо надел на Нору, — сказала я. — Прямо там. Оно ей впору.

Мира выронила ложку. Та ударилась о край миски, забрызгав стол, и подруга долго вытирала одно место тряпкой, хотя оно уже было сухим.

— Вот же скотина. Я думала, он просто испугался плохого результата.

— В полотно добавили железо. Не знаю, когда. Я заметила слишком поздно.

— Вещь у тебя?

Я вынула из сумочки расписку. Мира прочла её, велела беречь и не ходить к регистратору одной. Сама она ничего не могла подтвердить: работала с красителями, а не с магическими испытаниями. Предложила завтра зайти к цеховому поверенному, но я уже расправляла на столе другой лист. Мира посмотрела на первую строку, подняла на меня глаза и отодвинула мою миску, чтобы я не пролила на бумагу.

— Вейр? Лея, это сегодня?

— Пришёл домой. Ему нужна мастерица. К ткани можно пройти только жене.

— Это он сказал?

— Да. Проверю в Палате, прежде чем подписывать.

На сумме Мира остановилась. Задвинула шеколду, вернулась к столу. Я уже жалела, что принесла бумагу: а вдруг сейчас скажет, что мне просто врут?

— Ты его знаешь? — спросила я.

— У него заказывали краску для таможенных печатей. Деньги пришли в тот же день. Управляющая не торговалась за каждую крошку, будто я сама выращиваю марену в горшке на окне. Но мы говорим не о краске.

Она села рядом, слушая, как я пересказываю разговор в мастерской. Тёрла синий от краски палец о фартук, а на слове «обитель» перестала.

— Если тебе негде ночевать, наверху есть кровать. Только по утрам пахнет варёной корой. Ты ведь не думаешь, что обязана выйти за первого, кто предложил тебя забрать?

— Нет. Я думаю о сорока кронах.

— А о нём?

Я взяла ложку, но похлёбка успела покрыться тонкой плёнкой. Вспомнились янтарные глаза, мокрый воротник и спокойное «Я услышал». Я до сих пор не понимала, почему этот человек не потребовал ответа сразу, пока я ещё стояла с красными руками посреди отцовской мастерской.

— Я его боюсь, — сказала я. — На таможне после него людей увозили ночью.

— Увозили. Хозяина склада, где мой двоюродный брат таскал тюки, тоже забрали. Брат не получил плату за два месяца, пока Вейр не вскрыл книги. Там работникам записывали долги за вещи, которых никто не брал. Деньги вернули. Управляющий до сих пор утверждает, что инквизитор сломал ему два пальца.

Мира подняла руку, когда я открыла рот.

— Я при этом не стояла. Кто кому что ломал, не знаю. Брат говорил, что достаточно было положить на стол поддельные расписки. Лея, от него люди шарахаются. Ты видела сама. Я не стану верить тебе, что в доме он другой.

Мира достала из ящика свой старый счёт. Нижняя строчка была густо зачёркнута.

— Видишь? «Оплата по окончании работ». Я тогда полгода вытрясала деньги за партию красного сукна. Не посмела спросить, какое окончание они имеют в виду: окраску или продажу последнего отреза. Здесь то же самое. Сорок крон на бумаге — ещё не сорок крон у тебя в сумке.

Мы принялись писать на обороте мои вопросы. Сначала выходило плохо: я всё время начинала с «если возможно», и Мира молча зачёркивала эти слова. Когда дошли до комнаты, я долго смотрела в пустое место. Ренар обещал, что мне не придётся работать ночами. Ни разу не спросил, где я поставлю станок. Я даже не знала, было ли в его доме окно, возле которого удобно шить.

— Отдельная комната, — произнесла я. — И ключ у меня.

— Запиши. Сама.

Перо зацепилось за грубую бумагу. Я надела сильнее и поставила кляксу, закрывшую полслова. Мира подложила промокательную тряпицу. Мы сидели над листом до тех пор, пока похлёбка не остыла окончательно; потом она разогрела её, а я съела всё, включая размокшую корку. Возвращаться домой всё равно было страшно. Если Дариан откажется менять договор, я знала, где переночую.

Утром отец встретил меня в мастерской с двумя долговыми расписками. Я ночевала дома: хотелось собрать вещи, пока он спит. В сундук легли бельё, рабочие платья, шаль и материнская тетрадь с образцами. Свадебное платье осталось на крюке. От сырости рукав покоребился, и я чуть не села его исправлять. Остановилась, уже держа иглу, убрала её в футляр и закрыла крышку.

— Лорд Вейр должен понимать, что мастерицу следует освободить от прежних обязательств, — сказал отец. — Я подготовил наши счета.

Я сняла с папки завязку. Мои вопросы оказались сверху, и отец потянулся к ним. Пришлось придержать лист ладонью.

— Это мои условия.

— Ты никогда не заключала таких договоров. Не стоит выставлять себя неблагодарной в самом начале.

Дариан приехал в назначенное время. Отец успел заменить скатерть чистой, спрятать коробку дешёвых застёжек и велеть подать кофе. Я видела, как он примеряется положить расписки под договор, и подвинула на это место чернильницу. Дариан сел напротив меня, снял перчатки и прочёл лист с вопросами, который я ему протянула.

— Десять крон после регистрации, — сказал он. — Согласен. Дальше ещё три выплаты?

— На десятый день, на двадцать пятый и после завершения работы. Суммы одинаковые. Последняя — не позже конца договора. Первый платёж остаётся у меня, даже если я уеду раньше: я оставляю прежнюю работу и переезжаю.

Отец кашлянул. Я продолжила, пока он не успел заговорить:

— Уже оплаченные этапы вы не отнимаете. От будущих я могу отказаться. Если ремонт мне не по силам, я должна иметь возможность остановиться.

— Вы ещё не видели покров.

— Поэтому и спрашиваю сейчас.

Он отложил перчатки. Мне показалось, что он недоволен, и я едва не предложила меньшую сумму. Под столом прижала подошвы к полу. Мира накануне велела досчитать до пяти, прежде чем уступать то, о чём меня даже не попросили уступить.

— Хорошо. Если узел уже раскрыт, сначала обеспечиваем безопасное закрытие. Я представлю помощь. Продолжать ремонт вы не обязаны.

Я отметила строку, чувствуя, как постепенно перестаёт сводить плечи.

— Отдельная комната. Запирается изнутри. Второго ключа у вас не будет.

Отец уставился на меня, за дверью перестали расставлять чашки. На листе этот вопрос выглядел спокойнее, чем прозвучал в комнате.

— Пожарный ключ хранится у управляющей, — ответил Дариан. — Его могут использовать, если вы не отвечаете и есть угроза вашей жизни. Внесём это. От мастерской тоже получите ключ.

— А от зала покровов? Вы написали, что туда может войти только супруга. Что станет с допуском, если я перестану ею быть?

Дариан вернулся к моей приписке и прочёл её ещё раз.

— Семейное ядро впервые принимает человека через родство. Зарегистрированный брак позволяет создать личный ключ. Я не могу открыть его наёмному мастеру одним приказом. Но выданный ключ можно сохранить для работы, отдельным соглашением.

— Тогда запишем. До завершения ремонта. Даже если я расторгну брак.

— Вы собираетесь его расторгать?

Он спросил резко. Отец немедленно подался вперёд, готовый вмешаться, но я успела ответить:

— Я собираюсь иметь такую возможность. Иначе вы мне скажете: жена может уйти, но мастерица обязана остаться, потому что ткань открыта и заменить её нечем.

За окном проехала телега. Я уже жалела, что говорю с ним так, словно он сделал что-то дурное. Не столько боялась рассердить, сколько выглядеть нелепой: он предлагал мне работу, а я выговаривала ему за отцовские привычки. Но исправлений обратно не забрала.

— Внесём, — сказал Дариан. — У Палаты есть нужная форма. Сохранится профессиональный допуск, а не супружеский статус. Сможете приезжать как независимая мастерица, если решите продолжить.

Дариан подвинул чернильницу ближе. Я обмакнула перо, оставив на краю листа маленькую чёрную точку.

— В город я буду ездить без вашего разрешения, — сказала я. — И хочу принимать собственные заказы.

— Предупреждайте управляющую. Дом далеко, к ночи на скалах опасная дорога. Представлю карету. Расходы на чужие заказы согласуем, если материалы оплачиваю я. Авторство ваше.

Эту строчку я обвела. Отец выпрямился; по тому, как он разгладил скатерть, я поняла, что сейчас последует замечание. Дариан уже дошёл до последних слов на листе — «супружеские обязанности».

— Здесь не сказано, что вы под ними понимаете, — пояснила я, упрямо глядя в бумагу.

— Гражданская форма не обязывает вас делить со мной постель. Если неприятны прикосновения, говорите. Причину объяснять не нужно.

— Хочу, чтобы это было написано.

— Будет.

Смушение никуда не делось. При отце я не могла спросить даже о клятве: он уже сидел с таким видом, будто нам всем следовало замолчать. Я положила перо и попросила оставить нас.

— У тебя нет опыта, Леона. Я стараюсь помочь.

— Мне нужно поговорить о работе, которую собираюсь делать я.

Отец ушёл в гостиную, не закрыв дверь. Дариан прикрыл её сам. Обошёл стол и вернулся на своё место.

— Что случится со мной, если я произнесу обет? — спросила я.

— Женщины моего рода после полного обета тяжело болели. Некоторые умерли молодыми. Я считаю, что причина в покрове. Гражданская запись не соединяет вашу силу с ним.

— Вы уверены?

— В различии между записью и обетом — да. В том, что сам ремонт безопасен, — нет. Прежде чем коснётесь ткани, покажу прежние схемы и отчёты о ремонте. Остановимся при первом признаке истощения.

Я всмотрелась в его лицо. Он не отвёл глаз, хотя продолжать ему было трудно.

— Старые вещи иногда повторяют вплетённые слова. Если покров заговорит, что мне делать?

— Не отвечайте. Не повторяйте их вслух, пока не узнаем, как устроен узел.

Я записала это на отдельном клочке. Сорок крон снова стали той огромной суммой, которую никто не платит за обычный шов. Хотелось сбежать, а вместе с тем я уже хотела увидеть ткань. Знала, как скребёт чужое железо, как рвётся перегруженная дорожка. Может быть, и там сумею услышать то, чего не различали сильные мастера.

Остался один пункт, который Мира пометила особенно густо: охранное распоряжение на ночь. Я спросила, не окажусь ли из-за него запертой в комнате.

— При настоящем нападении ворота закрывают до рассвета, — ответил Дариан. — Для всех, кто в доме. Без нового решения Палаты — не дольше одной ночи. Вы останетесь свободны внутри наружного щита.

Я попросила уточнить это в договоре. Дариан потёр переносицу, посмотрел на исписанный лист и спросил:

— Вы всегда так тщательно готовитесь к заказу?

— Обычно заказчик не предлагает заодно выйти за него замуж.

Уголок его рта дрогнул. Я тоже улыбнулась и тут же стала выравнивать бумаги. Мне понравилось, как изменилось его лицо. Захотелось сказать ещё что-нибудь, чтобы он снова посмотрел на меня так; я не нашла ничего подходящего, а отец уже вернулся на звук отодвигаемых стульев.

Он протянул Дариану обе расписки поверх моей папки.

— Есть расходы мастерской. Леона пользуется нашими материалами, здесь её содержат. Справедливо включить прежние обязательства в общую сумму.

— Нет, — сказала я.

Отец не повернулся. Он продолжал перечислять оплаченные заказы и жалованье работниц. Я положила ладонь на расписку и отодвинула её обратно.

— Это долг мастерской. Ты взял задатки. Моей подписи там нет.

— Твоей подписи нигде нет, потому что я занимаюсь делами. Иначе тебе пришлось бы платить за каждую мелочь самой.

— За мои работы ты получил деньги. Я их не видела.

Слова вышли громче, чем я собиралась. Захотелось смягчить, вспомнить подарок, цеховой взнос. Но отец уже подкладывал свои счета под бумагу, в которой напротив сорока крон стояло моё имя. Я повторила, что семейные долги в договор не войдут. Дариан оставил расписки на столе и попросил меня взять папку: окончательную форму следовало составить в Палате.

Отец ждал, когда я останусь с ним одна, чтобы договорить. Я знала этот взгляд и в другой день задержалась бы сама. Теперь потянулась за футляром. Защёлка держала плохо, пришлось притянуть её шнурком от старого чехла. Дариан подождал, потом взял мой сундук с лестничной площадки.

— Ты ещё вернёшься сюда, Леона, — произнёс отец, когда я проходила мимо.

Он стоял между столом и дверью. Я боком протиснулась возле его локтя, стараясь не задеть папкой расписки. Уже в прихожей пришлось вернуться за плащом: на крюке висели два похожих, мой и отцовский, и я в спешке сняла чужой. Отец ничего не сказал. Смотрел, как я переодеваюсь, а я никак не могла попасть дрожащими пальцами в петлю застёжки.

В Палате нас направили в кабинет гражданских записей. До малого зала было всего несколько дверей, и я невольно замедлила шаг, увидев знакомое окно в конце коридора. Дариан остановился рядом. Не спросил, что со мной. Подождал, пока я поправлю шаль, хотя она и без того лежала ровно, и показал нужную дверь.

Запись вела пожилая женщина с пятном чернил на костяшке пальца. Она выслушала нас, разложила чистые бланки и велела Дариану подождать снаружи, пока будет говорить со мной. Он нахмурился, но вышел. Я уселась удобнее, поставив футляр на колени. Это маленькое недовольство почему-то успокоило: правила здесь относились и к нему.

— Вы понимаете разницу между гражданским браком и соединением силы? — спросила регистраторша.

Я ответила и попросила объяснить, как сохранить допуск после расторжения. Она нашла нужную форму в тонкой книге. Дариан сказал правду: впервые ключ выдавали супруге, но отдельное рабочее соглашение сохраняло его после расторжения. Регистраторша показала мне эту строку, и я прочла её дважды.

— Меня никто не принуждает, — сказала я, прежде чем она успела спросить. — Я буду там работать.

— О работе поговорим отдельно. Сейчас я спрашиваю о браке.

Я убрала с футляра ладони. Можно было уйти к Мире, унести сундук наверх, попросить у цеха маленький заказ. Значит, я выбирала. Страшно было оттого, что разумный выбор всё равно привёл меня сюда, к незнакомому мужчине и ткани, от которой болели женщины.

— Согласна, — ответила я. — На условиях, которые мы запишем.

Когда Дариан вернулся, регистраторша повторила вопросы для него. Он отвечал короче меня. На подготовку окончательных листов ушло больше часа; мне налили воды, а ему дважды пришлось подойти к соседнему писцу, уточнявшему форму рабочего соглашения. Пока я перечитывала готовые листы, Дариан стоял у стены. Когда он приблизился к столу, я сказала, что ещё не закончила, и он вернулся на место.

Мы подписали три экземпляра. Я особенно тщательно вывела фамилию: перо здесь было мягче моего, хвостик последней буквы всё норовил расплыться. Ни кольца, ни лампы на столе не появилось. Нас записали мужем и женой на сорок дней, выдали заверенные копии и отдельный лист об оплате. Дариан положил в лоток десять золотых крон. Регистраторша пересчитала их, потом подвинула лоток ко мне. Он не коснулся ни монет, ни моей сумки, пока я убирала деньги.

У двери я увидела своё отражение в мутном стекле шкафа. Волосы были зачёсаны гладко, ворот рабочего платья чуть перекосялся. Я поправила его и повернулась к Дариану, не зная, как теперь обращаться. Он взял у писца последнюю копию, сложил и сказал, что карета ждёт. От этого будничного голоса мне стало легче. Я пошла рядом с ним, крепко держа папку и чувствуя непривычную тяжесть сумочки у бедра.

По дороге к скалам я несколько раз проваливалась в сон, но просыпалась раньше, чем голова касалась стенки кареты. Дариан сидел напротив. Он убрал бумаги, попросил кучера ехать тише. Футляр стоял на соседнем сиденье, и я не знала, куда деть руки. Развязала шаль, принялась складывать её.

— В доме сейчас есть другие мастера? — спросила я.

— Постоянных нет. Управляющая приготовит список тех, кого приглашали раньше.

— Я хотела бы прочесть их записи.

— Прочтёте. Сегодня вы будете отдыхать.

Я посмотрела на него. Дариан заметил и поправился, чуть помедлив:

— Я советую. У вас руки дрожат со вчерашнего дня.

Я спрятала пальцы под шаль: хотелось показать, что способна работать, а руки выдавали меня. Карета качнулась, папка съехала с колен. Дариан поймал её за край и вернул. На мгновение наши пальцы соприкоснулись. У него была тёплая сухая кожа, а я замёрзла, несмотря на закрытые окна.

— Можно? — спросил он, указав на медную грелку у моих ног.

Я кивнула. Он наклонился, коснулся крышки, и в грелке тихо зашипела вода. Тепло медленно добралось до щиколоток. Дариан снова отвернулся к стеклу; я смотрела на его руку, лежавшую на колене, пока он не заметил. Тогда пришлось сделать вид, что меня очень занимает береговая дорога.

Дом появился за поворотом почти через два часа. Длинное каменное здание тянулось вдоль обрыва; медная крыша потемнела от морского воздуха. Между двух крыльев горели лампы; у служебной двери девушка несла корзину с хлебом, придерживая полотенце локтем. От этого хлеба и усталой походки девушки дом показался обыкновеннее. Я выдохнула и только тогда поняла, как долго сидела, сжав зубы.

У входа нас ждала женщина в тёмном платье. В толстой косе серебрились пряди, на поясе висели ключи. Она представилась Вестой Рин и посмотрела на мой футляр, прежде чем на лицо.

— Несите сюда. От мокрых плащей в прихожей всегда сыро.

Веста распорядилась насчёт сундука и велела принести горячей воды. Дариан назвал меня своей супругой. Женщина чуть замедлила движение, затем взяла у меня шаль и повесила отдельно от его плаща. Ни поздравлений, ни любопытных вопросов не последовало. Она предложила пройти туда, где можно было умыться, прежде чем выбирать комнату.

В боковой галерее было прохладно. Пол блестел от недавней натирки, между окнами висели портреты. Я сначала смотрела на платья: вот мелкий жемчуг по вороту, вот тяжёлый узор на бархате, который проще было вышить, чем вpleсти. На третьем портрете женщина придерживала раскрытую книгу. На пальце сверкало кольцо, у манжеты виднелась простая поправка, будто рукав распустили и зашили немного шире. Я подошла ближе. Под рамой прикрепили медную табличку с именем и двумя годами.

Разница составляла двадцать восемь лет.

Я перевела взгляд на соседний портрет, вычла даты. Тридцать один. Следующая женщина прожила тридцать четыре. Веста вернулась на несколько шагов и остановилась позади меня. Я хотела спросить про болезни, но увидела ещё одну раму: светловолосая женщина слегка улыбалась, левый уголок губ приподнят сильнее правого. Её звали Инесса Вейр, она прожила сорок три года. С того года, который стоял последним, прошло четырнадцать лет.

Дариан вошёл в галерею и увидел, куда я смотрю. Он ничего не сказал; я тоже не спросила. В сумке звякнули монеты. Захотелось убрать их поглубже, будто Веста могла догадаться

по этому звону, сколько мне заплатили. Я снова посмотрела на даты под портретами. Дариан стоял слишком близко, чтобы спросить управляющую сейчас, а обратиться к нему я пока не решалась. Я прижала к себе футляр, не замечая, что шнурок снова съехал с защёлки, и пошла за Вестой. Мой муж остался возле портрета Инессы.

Глава 3. Дом хранит чужие обещания

Веста подвела меня к умывальнику в маленькой комнате за галереей и оставила одну. Я опустила руки в горячую воду и только тогда обнаружила, что всё ещё держу футляр под мышкой. На крышке темнела полоса от мокрого платка. Поставила его на сухой край, вытерла рукавом и принялась умываться.

Когда я вышла, Дариан ждал возле окна. Он успел сменить дорожный сюртук, ворот домашней рубашки был расстёгнут. Я посмотрела на знакомый уже край шрама и отвела глаза раньше, чем он повернулся. Веста держала перед собой два ключа.

— Комнаты готовы в западном крыле. После госпожи Инессы там никто не жил постоянно, но я слежу, чтобы сырость не завелась.

Я посмотрела на приготовленные ключи. Только что считала годы на табличке, а теперь мне предлагали спальню той женщины.

— Это ваша... — начала я и запнулась.

— Мать, — сказал Дариан.

Он посмотрел на Весту. Та поправила очки на цепочке и стала объяснять, что в тех комнатах хороший камин, новая постель, большой шкаф. Говорила так быстро, что я начала смотреть на неё вместо хозяина. Она готовилась к приезду его жены, и мне было неловко отказываться.

— Я бы хотела другую комнату, — сказала я. — Если можно.

Последние слова выскочили сами. Веста перевела взгляд на Дариана. Он молчал, и я уже представила, как вечером за ужином мне напомнят о капризах. Потом он забрал у неё один ключ, повертел в пальцах и вернул.

— Покажите остальные. Что есть возле малой гостиной?

— Старые бельевые. И гостевая над садом. Но она меньше.

— Покажите.

Дариан пошёл с нами. Мы свернули в коридор, где пахло нагретым деревом; за окнами темнели ветви, время от времени скребли по стеклу. Я заметила низкую дверь, которой обычно пользовались слуги, и попросила открыть. Веста предупредила, что там ещё не приготовили постель. Внутри нашлась простая кровать, узкий шкаф и стол возле окна. Дверь в соседнее помещение не запиралась, но за ней были только пустые стеллажи и свёрнутые холсты. Я подошла к окну, приложила руку к раме. Не дуло.

— Здесь раньше хранили хорошее бельё, — сказала Веста. — Потом перенесли ближе к прачечной, чтобы не таскать через весь дом. Гостям предлагали другую сторону, с видом на море.

В соседней комнате помещалась рама для натяжения. Отдельный вход из коридора был заставлен этажеркой; я показала на него.

— Можно её убрать? И запереть эту дверь, между комнатами?

Дариан осмотрел засов. Попробовал сдвинуть, тот застрял; хозяин потянул сильнее и снял с паза катышек пыли. Металл послушался.

— Если петли разбиты, заменим. Вы хотите работать здесь?

— Пока да. Большой станок мне сразу не нужен. Важно, чтобы руки лежали удобно и ткань не зацепилась за край стола.

Веста окинула пустые стеллажи взглядом, как будто уже расставляла на них мои вещи. Она спросила, когда я хочу начать, и велела составить список. Дариан кивнул на стол в спальне.

— Этот оставим здесь. Для работы принесут другой. Что ещё?

Я поспешно назвала раму, настольную лампу с широким отражателем, две миски для нитей. Потом остановилась: мне ещё ни в чём не отказали, а я уже старалась успеть, пока слушают. Веста вынула из кармана записную книжку.

— Медленно, госпожа. Я не запомню.

Я попросила называть меня Леей. Веста не обещала привыкнуть сразу, зато повторила имя, пока записывала. Я перечислила, чего в футляре не было. Большую натяжную раму придётся заказать; Дариан предупредил, что за ночь её не сделают. Я попросила сперва обычные подставки и резиновую полоску под ткань. С этим можно было начать осмотр.

— Ключ от наружной двери, — сказала Веста, сняв его с кольца у пояса и положив мне на ладонь. — Сейчас сюда занесут сундук. Мастерскую подготовим, второй принесут вечером.

Ключ был короткий, с круглой головкой, самый обыкновенный. Я подержала его за стержень, ощутила неровность зубцов. Дариан смотрел, как я осваиваюсь. Я начала ещё раз объяснять про свет и расстояние до стола, но осеклась.

— Я не хочу занимать место вашей матери.

Он повернулся к окну. Я пожалела о сказанном, но Дариан ответил прежде, чем успела что-либо добавить:

— Не нужно. Её комнату закрыли давно. Веста приготовила её по старому порядку. Вам необязательно его соблюдать.

Я убрала ключ в карман и, прежде чем потеряла смелость, спросила, был ли он женат раньше. Он коротко сказал, что нет, затем поднял мой футляр с края стола: крышка снова приоткрылась. Я протянула руку, ожидая, что он отдаст мне его, но Дариан придержал нижнюю часть, пока я затягивала шнурок.

— Плотник может посмотреть застёжку, — заметила Веста.

— Я попрошу. Только не надо менять весь футляр.

Дариан поставил его на стол и ушёл договариваться о мебели. Управляющая показала лестницу к кухне и колокольчик у двери. Предупредила, что в коридоре будет гореть ночная лампа, а в саду незаконченный ремонт ограды. Это она говорила уже без оглядки на хозяина; я запомнила, где не следует ходить после темноты.

Когда принесли сундук, я расставила вещи так, чтобы в случае чего быстро собрать. Бельё не вынула, платья повесила рядом, документы спрятала между страницами материнской тетради. Десять крон остались в сумке. От кровати до двери было пять шагов; я прошла их, закрыла замок, открыла опять. Потом села на край постели и услышала за стеной, как двигали тяжёлый стол. Кто-то сказал, что он не пройдёт, другой велел повернуть. Я улыбнулась, представив, как Дариан приказывает мебели уступить дорогу, и тут же перестала: мне было слишком хорошо от того, что он занят моим столом.

На ужин принесли пирог и чашку горячего молока. Я поела возле окна, глядя на огни в стороне порта, затем написала Мире короткую записку: приехала, условия подписаны, инструменты со мной. Веста пообещала передать её с утренней каретой. Она принесла второй ключ и лампу, которую просила не гасить пальцами: стекло нагревается. Я поблагодарила, заперла дверь и переставила на стол недопитую чашку.

Я представляла, как Нора готовится дома ко сну. Ей было кому показать кольцо, ещё раз пожаловаться, что я не захотела её выслушать. Я вдруг так ясно увидела её руку у зеркала, что потянулась снять с пальца что-то ненужное. Пальцы были пустыми. Даже подарок, который можно было бы бросить в стену, Ренар выбрал полезный: ткань. Пришлось лечь, натянуть одеяло до подбородка и переждать, пока перестанет жечь под веками. В коридоре слышались шаги, но у моей двери они не останавливались.

Утром я проснулась от запаха хлеба. Ключ лежал под подушкой; я сперва не поняла, откуда он взялся, и только потом вспомнила новую комнату. В мастерской уже стоял стол с гладкой светлой доской и высокое кресло. Над подставками для ткани положили список Весты, отметив галочками привезённое. Резиновую полоску заменили пока толстым войлоком. На краю столешницы не было ни скола, ни лака, который мог бы цепляться за нить. Я провела по нему ладонью и пошла вниз, оставив оба ключа в кармане.

На кухне повариха вынимала противень, а девушка в коротком фартуке придерживала его свободный край сложенной прихваткой. У самого стола девушка вскрикнула и дёрнула руку. Противень покачнулся. Я успела подставить под свободный край чистую деревянную доску со стола; булки съехали, но на пол не упали.

— Снова прожгло, — сердито сказала повариха. — Я же велела выбросить эту пару.

Девушка посмотрела на свои пальцы. Кожа покраснела, пузырей пока не было. Я показала на таз с чистой водой, потом взяла прихватку со стола. Внутри плотного серого квадрата вплели слабую защиту от жара; в одном углу нить пережгли, и теперь сила уходила мимо рисунка. По краям слишком туго пришили новую тесьму. Заклятию было некуда расходиться при нагревании.

— Их ремонтировали? — спросила я.

Повариха наконец разглядела меня. Вытерла руки, попыталась поклониться и едва не наступила на подол фартука. Девушка тоже выпрямилась возле таза, не зная, можно ли продолжать держать там пальцы.

— Не вынимайте, — сказала я ей. — Горячую вещь больше не трогайте. Мне нужны маленькие ножницы. И вы ведь работали этой парой до ремонта? Она не пропускала жар?

— Нет, госпожа. Тесьму сменили на той неделе. Мы думали, просто ткань истёрлась.

Я нашла вторую прихватку; у неё угол уже потемнел. Здесь не требовалась сильная магия: достаточно распустить несколько стежков, дать дорожке место и соединить оборванный край. Я попросила Весту, которая вошла следом, принести футляр. Управляющая посмотрела на мои туфли без чулок, на распущенные волосы и сказала, что сперва мне надо позавтракать. Я взяла булку с наклонившегося противня и откусила. Горячая начинка обожгла язык, девушки на мгновение перестали меня бояться.

— Вот теперь я тоже наказана, — сказала я, осторожно втягивая воздух. — Но прихватки я поправлю. Тут всего несколько петель.

Веста поставила передо мной кружку воды, велела принести коробку и раскрыла свою книжку.

— Сколько за две?

Я не сразу поняла вопрос. Девушка держала пальцы в воде, нужно было исправить прихватки. О плате я не думала.

— Это мелочь. Я просто поправлю.

— Час вашей работы не мелочь. Или меньше часа? Назовите.

Я заглянула в края, прикинула расстояние между узлами и сказала: два серебряника, с заменой обеих нитей. Веста записала. Сумма показалась наглой, хотя в отцовском прејискуранте за такой ремонт брали больше. Девушка у таза следила за моими руками так пристально, что я попросила её сесть: под чужим взглядом часто торопилась и ошибалась.

Дариан появился, когда первую дорожку я уже замкнула. Он поздоровался с поварихой, взял себе кружку и посмотрел на распоротую прихватку.

— Вы позавтракали?

— Начала, — ответила я, показывая надкусанную булку.

Он нахмурился. Я ждала разговора об отдыхе, но его прервала повариха: велела всем отойти от края стола, там собиралась раскатывать тесто. Дариан отодвинул стул, мне пришлось поднять ткань, а Веста забрала книжку, чтобы на неё не насыпали муки. Мы перебрались к узкому столу возле окна. Я уже устроилась, когда заметила, что Дариан держит мой стул, не позволяя ножке встать на перекошенную доску пола.

— Здесь качается, — сказал он. — Левее.

Я сдвинулась. Он отпустил спинку и сел напротив, всё ещё с кружкой в руке. Повариха при нём говорила громко, девушка послушно отвечала. Я смотрела на него, ожидая, что вмешается. Не вмешался, стал пить остывший чай.

Работа заняла меньше получаса. Я проверила обе вещи на горячей крышке, потом попросила повариху попробовать через сухую тряпицу. Защита держалась. Веста положила возле моего футляра два серебряника и повернула книжку так, чтобы я увидела запись: «Лея Тарен. Две прихватки, восстановление вплетания».

Я взяла монеты, долго возилась с застёжкой сумки. Дариан заметил, как я смотрю в книжку, но не спросил. Веста спросила сама:

— Имя записано правильно?

— Да. Только полное — Леона. Для счёта лучше полное.

Она поправила имя над строкой. Я села есть уже остывшую булку; Дариан подвинул ко мне тарелку с кусочками сыра. Монеты легли поверх золотых. У них был другой звук, более резкий, и я знала точно, за что каждая получена. На кухне пахло тестом, повариха ругалась на подгорающий край, девушка принялась вытирать мокрый стол, а я ела, стараясь не улыбаться над тарелкой слишком заметно.

После завтрака Дариан принёс в мастерскую папку, перевязанную потемневшей лентой. Я разложила инструменты на войлоке; для бумаг не оставалось места. Он предложил убрать подставки. Я покачала головой: если каждый раз разбирать рабочее место ради свободного края, за день ничего не сделаешь. Дариан посмотрел на стол в соседней комнате и спросил, можно ли воспользоваться им. Я открыла внутренний засов, поставила лампу возле кровати, и мы перенесли папку туда.

На первых листах были схемы небольших участков. Мастера писали о расползающемся рисунке, о том, что медь теряет натяжение раньше шёлка. Один предлагал добавить больше силы, следующий описывал, как после этого сгорела нижняя дорожка. Я перевернула лист, проследила линию повреждения. Рисунок не сходился: на копии четыре узла, в описании пять. Мне захотелось увидеть сам участок, но пока я поставила рядом вопросительный знак. Внизу значилось, что работы велись снаружи, центральное вплетание не затрагивали.

— Они не могли войти? — спросила я.

— К ядру — нет. Через внешний край брали образцы. Пробы хранятся здесь же.

Я прочла отчёт до конца. Пальцы после вмешательства мастер не чувствовал четыре дня. Я невольно согнула свой большой палец. Дариан следил за страницей, молчал.

— Мне не нравится, что вы торопитесь, — сказала я. — Чтобы исправить полотно, надо знать, что оно должно делать. Здесь половина рисунка.

— Полный только на самой вещи. До неё и нужно добраться.

— Сегодня я буду смотреть. Ничего не распускаю.

Он согласился. Я прочла ещё два листа, записала время появления повреждений и попросила отдать мне эти копии. Дариан сказал, что папка останется в мастерской. Веста принесла чистые листы для моего журнала и маленькую плоскую коробку. Я убрала договор в сундук, взяла чистые листы для записей и проверила карман с ключами. Дариан стоял уже в коридоре.

Я видела, что он торопится, по тому, как поворачивал в руке ещё один ключ, но ждать ему пришлось.

Зал покова находился в глубине дома. Перед его дверью на каменной стене висела узкая пластина с двумя углублениями. Дариан вставил свой ключ. По краю побежала медная полоса света, обошла первое углубление и остановилась. Дверь не открылась.

— Сейчас оформляем ваш первый вход, — сказал он. — Дом должен принять вторую запись.

Веста вынула из коробки гладкую медную пластинку на шнурке. На одной стороне выгравировали моё имя, на другой оставили пустое место. Управляющая держала копию из Палаты; Дариан приложил край бумаги к светящейся полосе. Чернила на печати отозвались мягким золотым блеском, затем пластинка согнулась в пальцах Весты. Та протянула её мне.

— Вставьте в пустой паз и держите. Силу направлять не надо, — предупредил Дариан. — Сейчас проверяется запись, не ваша магия.

Я посмотрела на него, потом на ключ. От волнения сжала пластинку так, что ребро впилось в ладонь. Ослабила пальцы, вставила её в паз. Медная полоса обогнула второе углубление, в двери что-то сдвинулось. Дариан убрал свой ключ, а я продолжала держать мой, пока он не сказал, что можно отпустить.

Веста тут же раскрыла на узкой полке у стены другую бумагу: соглашение о рабочем доступе. Хозяин подписал запись о выданном ключе, управляющая отметила время, я поставила подпись последней. Дариан провёл ногтем по пустой стороне пластинки; на ней проступила короткая линия, совпадавшая со знаком на соглашении. Затем вернул ключ мне.

— Теперь допуск оформлен отдельно. Его прекращение потребует записи о завершении ремонта. Развод её не заменит.

Я убрала пластинку в карман, рядом с обычными ключами. Слова мы уже проверили в Палате. Здесь дверь открылась только после подтверждения моего имени. Пришлось отцепить шнурок от пуговицы: я так поспешно спрятала ключ, что он застрял. Дариан подождал, пока я освобожу его, и пропустил меня внутрь. Веста осталась у полки, складывая бумаги в коробку.

Внутри пахло сухими травами и старой шерстью. Комната была небольшой: шкафы вдоль стен, узкие окна под потолком и рама возле старого столика. На ней висел тёмный покров, слишком тяжёлый для свадебной ткани. Медный рисунок расходился от середины к краям, уходя под складки. Несколько дорожек возле низа обмотали защитными лентами. Нижний край закрыли войлочным чехлом и уложили на столик. Я различила глухой гул и остановилась у двери.

Дариан зажёт две лампы. При свете выступили бурые пятна на старом шёлке. Я подумала о лицах на портретах, затем постаралась смотреть только на нити. Проследила ближайшую дорожку: четыре узла были на месте. Чуть успокоилась.

— Здесь нельзя работать в полутьме, — сказала я. — Даже днём. И мне нужен свободный стол сбоку, чтобы класть рисунки, не наклоняясь через ткань.

— Принесут. К открытому узлу пока не приближайтесь.

Он сказал это резко. Я обернулась: Дариан стоял между мной и рамой, ладонь на планке. На миг мне захотелось спросить, зачем тогда привёз. Вместо этого показала на шкаф.

— Вы обещали образцы. Начну с них.

Он снял руку с рамы и принёс плоскую деревянную коробку. В ней лежали узкие полосы с обожжёнными краями. Под каждой — номер и дата из отчётов. Я сверила первую, перевернула вторую. Их резали без запаса, слишком близко к узлу. Третья полоса сохранила часть целого рисунка. Я поднесла её к лампе и услышала знакомый тонкий скрежет, но здесь причина была иной: медь пережгли собственной силой. Железной нити я не нашла.

— Сначала бы соединить копии с тем, что осталось, — сказала я. — Не могу обещать срок, пока не разберусь.

— Я знаю.

Он произнёс это раздражённо. В мастерской терпеливо ждал, а здесь едва сдерживался. Я положила образец, не понимая, злится он на меня или на вещи в комнате.

— Я всё равно это скажу, — произнесла я. — Срок в бумаге не делает мою руку точнее.

Дариан провёл ладонью по лицу. Отступил от стола, освободив мне место возле лампы.

— Говорите. Не обращайтесь внимания на мой голос. Я плохо переношу эту комнату.

Внизу шкафа стояла ещё одна коробка. Из-под крышки виднелся светлый край с маленькими листьями. Такую ткань легко было вытянуть неосторожной иглой; я переставила лампу поближе. Я спросила, тоже ли это образец. Дариан медленно вынул коробку.

— Покрывало моей матери. Хранили вместе с семейными тканями.

— Можно посмотреть?

Он поднял крышку, но не достал вещь. Я раскрыла футляр, взяла тупую иглу и показала ему. Разрезать ничего не собиралась. У покрывала отстала подкладка, угол вывернулся; там проходил ряд стежков, почти скрытый обыкновенным швом. Дариан положил коробку на столик, поверх закрытого войлоком края покрывала. Я села сбоку, развернула ткань и подцепила только свободную петлю. От неё пошла слабая дрожь, в которой угадывался далёкий шёпот.

Я отпустила петлю. Дариан наклонился ближе; пришлось попросить его не заслонять свет. Он передвинул лампу. Внутри стежков сохранили слова — так записывали обет, чтобы вплетение удерживало его долго. Я не могла прочесть весь ряд: после нескольких витков нить была оборвана и заново пришта чужим, более грубым движением.

Я снова коснулась петли иглой. На этот раз удалось различить «не отдаю»; дальше рисунок срывался. Вслух я ничего не произнесла. Положила иглу, закрыла футляр и отодвинула стул от стола. Покрывало осталось там, куда я его развернула.

— Здесь записаны слова отказа, — сказала я. — Дальше нить перерезали. Кто ещё работал с этой вещью?

Дариан смотрел на раскрытую подкладку. Теперь я не могла отвести глаз от его руки: пальцы медленно сжались на краю стола, костяшки побелели.

— У меня нет такой записи.

— Тогда я больше сегодня не трогаю. Мне нужно знать, что здесь уже меняли. Образцы — одно, чужой обет — другое.

Он кивнул, но не двинулся. Я начала собирать бумаги, попросила сохранить покрывало в открытой коробке, не расправлять тот угол. Дариан потянулся за крышкой, и в это мгновение с рамы донёсся короткий звон. Один из медных витков на большом покрыве стянулся, хотя никто к нему не подходил. Я повернулась: длинная бахрома выскользнула из-под войлока, там, где коробка сдвинула чехол, и касалась моей руки. Тепло пробилось сквозь рукав узкой полосой. Я ещё не успела отдернуть её, когда Дариан приподнял коробку и накрыл край войлоком. Я встала рядом с ним, прижав ладонь к животу. Никаких слов покрыву не дала, силы в него не направляла. Возле защитной ленты всё ещё двигалась медная петля, и мы оба смотрели на неё, забыв про открытое покрывало на столе.

Глава 4. Ключ от мастерской

Дариан держал войлок обеими руками, пока медная петля не перестала двигаться. Я стояла рядом, прижав левое запястье к животу: казалось, стоит ему ослабить нажим, бахрома снова выскользнет. Когда звон стих, он передвинул открытую коробку с покрывалом матери на пустую полку, подложил бумагу под вывернутый угол, чтобы ткань не зацепилась за дерево.

— Покажите руку.

Я отняла ладонь от платья, но рукав не подняла. Дариан подождал. Я собиралась возражать против того, чего он ещё не сделал, и от этого стало неловко. Расстегнула манжету: ни красноты, ни следа от нити. Он наклонился, не касаясь меня; я сама провела пальцами по согревшемуся месту.

— Не болит. Сейчас вообще ничего.

— Он прежде так отвечал на прикосновение?

— Вы у меня спрашиваете?

Он выпрямился. Я застегнула рукав со второй попытки: пуговица была маленькой, руки всё ещё дрожали.

— Нет. Думаю вслух. Не видел такого, — сказал Дариан. — Я подходил к нему десятки раз.

Пока мы рассматривали чужие стежки, оставили рядом живую, плохо защищённую вещь. От этой мысли стало стыдно сильнее, чем от испуга.

— На этом столе больше ничего не должно лежать, — сказала я. — Даже поверх войлока. И край нужно закрепить. Не металлическими зажимами.

Веста принесла широкие полотняные завязки. Мы убрали со стола крышку, свободный конец чехла обернули вокруг края и закрепили на ножках. Я следила, чтобы завязки не стягивали рисунок. Дариан отпустил ткань — она осталась неподвижной.

— Что было? — спросила Веста, глядя на мою застёгнутую манжету.

Я объяснила про тепло. Управляющая посмотрела на хозяина, тот велел подготовить свободный стол и светильники. Веста уже уходила, когда я спросила про старые рабочие книги.

— Кто чинил семейные ткани? Кроме приглашённых мастеров.

— Смотря какие годы вас интересуют.

— Покрывало госпожи Инессы. В нём есть изменённый шов.

Веста посмотрела на открытую коробку. Я увидела, что ей хочется подойти, но она осталась у порога.

— Заказные книги найду. Личные вещи в них записывали не всегда. Мне нужно поднять старые ящики.

Мы закрыли полку чистым холстом от пыли. Мне хотелось проверить ещё хотя бы один стежок, но я сама обещала остановиться. Пришлось собрать листы и уйти.

В мастерской я записала, что коснулось руки и сколько длилось тепло. Нарисовала нижний край рамы с безопасной опорой. До вечера переносила на чистые листы схемы, не прикасаясь к зачарованным образцам.

На следующее утро я задела локтем чернильницу, подписывая рисунки возле завтрака. Пришедший за мной Дариан подхватил край листа. Чернила растеклись по столу, остановившись возле тарелки; я отнесла перо подальше и взяла булку.

— Сегодня будете есть, пока я стою здесь? — спросил он.

— Если вам больше нечем заняться.

Дариан посмотрел на свои бумаги под мышкой, затем на меня. Я откусила, чтобы не пришлось сразу придумывать извинение. Он вынул из кармана платок, накрыл им испачканный край стола и сел на свободный стул. Был в тёмном сюртуке; у воротника поблёскивала простая застёжка, волосы ещё хранили след влажного гребня. Я слишком долго смотрела на них и перевела взгляд на папку.

— Для вашей натяжной рамы хотят уточнить высоту, — сказал он, раскрывая папку.

Я показала нужную отметку, допила молоко и пошла с ним к залу. Вчерашние отчёты остались в мастерской, отдельно от инструментов, дверь в спальню была закрыта.

Новый стол стоял сбоку от рамы, светильники закрепили на деревянных стойках. Отражатели можно было поворачивать, не проводя рукой над покровом. Коробку Инессы не тронули. Я проверила завязки старого чехла, убедилась, что между новой опорой и тканью хватает места для прохода.

За вчерашний день я выбрала небольшой участок снаружи рисунка. Медная дорожка там отошла от шёлка, но целые узлы по обе стороны удерживали её. Сначала мы осторожно отвели обычную складку: под ней нашёлся пятый узел, пропущенный на старой копии. Я дорисовала его и показала Дариану. Он поднёс лампу ближе, сверил обозначения. От того, что одна ошибка оказалась всего лишь небрежным рисунком, мне стало легче дышать.

Я разложила ножницы, иглу и незачарованную нить для подхвата. Дариан смотрел так, словно эти предметы могли внезапно напасть на меня.

— Если я скажу держать, возьмёте вот здесь. За дерево. Сам рисунок не трогайте.

— Понял.

— И силу не добавляйте. Даже если покажется, что мне не хватает.

Я дождалась ответа вслух, затем села, положила предплечья на мягкую опору. Раньше всегда устраивалась хуже: то стол был высок, то держала заказ на коленях. Здесь причин для неудобства не было, а под воротом собирался пот.

Первую петлю подняла легко. Шёлк уже истончился, его приходилось поддерживать с изнанки, зато медь слушалась. Я провела обычную нить вдоль края, закрепила в целой ткани. Потом взялась за отставшую дорожку. Она звенела тихо, на одной высоте; когда я подтянула её к старому рисунку, звук стал ниже. Правильно. Я замкнула первый стежок, второй, оставила между ними ровный просвет.

Дариан стоял слева. Его тень пересекала пол, до моих рук не доставала. Иногда он двигал светильник, следуя моему короткому «ещё». Мы почти не разговаривали. На третьем сложном стежке край покрова чуть натянулся, и я попросила придержать раму. Он взялся за указанное место, не задев даже защитной ленты.

Я увидела, что нить ложится. Захотелось сделать следующий участок сразу: он был рядом, совсем маленький, на него хватило бы четверти часа. Я уже повернула иглу, когда из медного витка пришёл обратный толчок. Запас собственной силы будто провалился под рёбрами. Острие коснулось дерева, и я не поняла, почему пальцы разжались.

Игла упала на опору. Дариан подался ко мне, но я остановила его локтем. Край был подхвачен; нужно было только протянуть свободный конец обычной нити. Я попробовала зажать его большим и указательным пальцами. Ничего не почувствовала. Увидела нить между ними, а кожа не сообщила мне, что держит её.

— Лея.

— Сейчас. Не двигайте раму.

Левой рукой я вытянула конец, закрепила его вокруг деревянного кольшка и откинулась на спинку. Узел остался цел, магию я больше не направляла. В голове стукнуло, будто кто-то закрыл тяжёлую дверь возле самого уха. Я посмотрела на правую ладонь. Три пальца лежали на опоре совершенно спокойно.

Дариан присел перед креслом.

— Чувствуете?

Я провела ногтем левой руки по указательному пальцу. До половины чувствовала, дальше нет. Большой тоже онемел, средний покалывало у основания. Не четыре дня, сказала я себе. У того мастера была совсем другая работа. От этой мысли легче не стало.

— Нужно остановиться, — произнёс Дариан.

Три стежка. Ради них меня привезли сюда, дали комнату, мебель, сорок крон на бумаге. Я положила руку на опору, скрывая неподвижные пальцы.

— Шов держится. Я только не рассчитала, сколько заберёт последний поворот. Если дать ему немного времени...

— Дайте время себе.

Он потянулся к игле. Я успела накрыть её ладонью; стук в голове отозвался новой болью.

— Не убирайте. Я ещё не закончила.

— Вы завязали край. Он никуда не уйдёт.

— Вы этого не знаете.

Дариан отнял руку. Встал, внимательно посмотрел на подхваченную нить и деревянный колышек. Я тоже посмотрела. Всё, что требовалось для остановки, уже сделала сама.

— Тогда скажите, что ещё нужно для безопасного закрытия. Я сделаю.

Я вскинула голову, собираясь ответить на его жёсткий тон, и увидела, как он сжимает спинку кресла. Под пальцами скрипело дерево. Он сдерживался, пока я доказывала, что ничего не случилось.

Я попросила накинуть защитный холст. Дариан дождался, пока я левой рукой отведу инструменты, потом закрыл участок, оставив колышек снаружи. Правую ладонь я спрятала на коленях.

— Вы будете искать другую мастерицу?

Он не сразу понял. Я увидела это по лицу и пожалела, что спросила. Под ногтями темнели чернила, рукав был в мелком ворсе. Наверное, выглядела я сейчас так же жалко, как возле погасшей лампы в Палате.

— Чтобы она восстановила то, что я испортила, — добавила я.

Дариан проверил дорожку под холстом. Я ждала; ещё немного, и попросила бы его сказать хоть что-нибудь.

— Здесь стало ровнее, — произнёс он. — Вчера эта часть отходила от основы. Сейчас держится. Что именно вы испортили?

— Не могу продолжать.

— Сегодня. Вы мне объясняли про перегрузку. Я слушал.

Я прочла чужой отчёт, потребовала не добавлять силы и сама потянулась сделать ещё один участок. Он слушал лучше меня.

— Дома мне дали бы час, — сказала я. — Потом показали бы, сколько лежит заказов.

Дариан отпустил кресло. На его запястье краснела царапина от завязки чехла.

— Что поможет вашей руке?

— Не вплетать. Не держать тонкое. Тепло, если начнёт ломить. И... я не знаю, как долго. Обычно отпускало к вечеру. На простой работе.

— Тогда сегодня не вплетайте. Возьмите меня в свидетели, если вам нужен кто-то, кто будет показывать на заказы.

Он сказал это без улыбки. Я всё-таки коротко рассмеялась, потом зажмурилась: смех отдался в виске. Дариан отодвинул кресло, чтобы я могла встать. Я попробовала подняться сама, но опора оказалась слишком высокой, ноги затекли от неподвижного сидения. Он подставил предплечье. Я взялась левой рукой за рукав, удержалась, переждала головокружение.

Под тканью чувствовались мышцы. Дариан не потянул меня к себе, не обнял; стоял, пока я не выпрямилась. Я отпустила его чуть позже, чем было нужно для равновесия, и сразу принялась оглядывать стол, чтобы не смотреть ему в лицо.

— Запишем, сколько сделано, — сказала я. — И что дальше сегодня работать не могу.

Мы вернулись к свободному столу. Дариан держал лист, пока я выводила буквы левой рукой. Почерк получился крупным и кривым; я пометила время, пальцы, число стежков. Он прочёл, поставил подпись возле записи о принятом участке.

— Первые десять крон уже ваши, — сказал он, возвращая перо. — Из-за этой остановки в счёте ничего не изменится.

Я сама настояла на этом условии. Теперь, когда игла выпала из пальцев, бумага показалась ненадёжной. Я убрала запись, оставила закрытый футляр на свободном столе до вечера: боялась ронять инструменты по дороге. Медную пластинку вынула левой рукой и заперла зал сама.

К вечеру покалывание добралось до кончиков пальцев. Я ощупывала шов на одеяле, различала то толстую нитку, то гладкий промежуток; после нескольких попыток Веста убрала с кровати вышитую подушку и положила простую. Принесла горячую воду, спросила, позвать ли лекаря. Я отказалась пока: боль в голове ослабла, чувствительность возвращалась. Мы договорились, что она зайдёт после ужина, а при ухудшении я позвоню.

На следующий день пальцы слушались, но сил в них было мало. Я смогла застегнуть платье и решила, что проверять их иглой не стану. Веста принесла заказные книги, две новые пустые тетради и список материалов из кладовой. Старых личных записей пока не нашла: нижние ящики хранились в другом крыле, ключ от одного замка ещё разыскивали.

— Давайте сперва то, что вы возьмёте для работы, — сказала она, раскрывая список. — Потом будем искать давнее.

В мастерской наконец появился плотник. Он поставил у стены детали натяжной рамы и спросил, где её собирать. Я попросила подождать, пока переставлю стол. Мужчина удивился: стол совсем недавно принесли. Пришлось показать, как солнце падало на левую половину доски, а моя правая рука оставалась в тени. Он без разговоров сдвинул мебель, подложил дощечку под ножку и сел проверять крепления.

Я положила футляр перед ним. Дариан принёс его вечером, оставил на табурете возле моей двери и постучал. Я услышала, как удалились его шаги, прежде чем решила открыть. Теперь плотник попросил разрешения сменить маленький штифт, не трогая дерево. Я согласилась и осталась возле стола.

Пока он работал, Веста разложила книги на подоконнике. В расходах значились шёлк, медь, клеевая ткань, плата за доставку. Цены менялись почти каждый месяц. За одну и ту же катушку в последней поставке записали вдвое больше, чем год назад. Я показала строку управляющей.

— Это другая медь. Подготовленная для рода.

— Что с ней делали?

Веста достала из отдельной пачки лист с печатью. Там было перечислено: очистка, скрутка, проверка на внешнем контуре. За последней отметкой стояла подпись «У. Вейр». Я спросила, кто это.

— Лорд Ульрих. Дядя хозяина. Хранитель родовой печати, он ведает внешней защитой.

Я выбрала обычные мотки для подхвата и попросила отложить зачарованную медь до сравнения. Веста пометила эти строки.

— Можно мне книгу только для моих расходов? — спросила я. — Чтобы не искать их между углём и ремонтом крыши.

Она подвинула одну из пустых тетрадей. Я написала своё имя на первом листе. Рука устала уже к концу фамилии, пришлось отложить перо. Веста вписала под ней выданные нитки и спросила, кто будет подтверждать закупки.

— Я, — ответила я. — Если заказываю для этой работы. Чужие вещи буду записывать отдельно.

— Так и сделаем. А старые счета отсюда унести?

Я оставила один счёт для сравнения. В другой тетради вклеила вчерашнюю кривую запись первой; край с подписью Дариана не помещался ровно, но обрезать его я не стала.

Плотник защёлкнул крышку футляра. Звук был крепким. Я открыла её, закрыла снова: штифт держал, шнурок больше не требовался. Мастер вернулся к раме.

Я взяла знакомый шнурок, продела в головку ключа от мастерской и подвесила его на гвоздь у стола. Остальные два остались в кармане. Веста спросила, удобно ли мне так: ключ отсюда любой мог взять.

— Когда уйду, заберу. Пока я здесь, не буду каждый раз искать в кармане.

В коридоре послышались голоса. Я узнала Дариана, затем чужой низкий голос; Веста быстро поправила на подоконнике книгу, которую оставила мне, и вышла. Плотник поднялся, потянулся унести детали, но я попросила продолжать. Рама была нужна, даже если в дом приехали гости.

Мужчина за спиной Дариана держал светлые перчатки. Серебристые волосы зачёсаны назад, на тёмном плаще ни капли дождя. Он остановился возле порога, осмотрел перекладки на полу и улыбнулся, словно всё это давно представлял.

— Леона Тарен? Ульрих Вейр. Очень рад наконец познакомиться.

Он сделал шаг вперёд. Я прикрыла книгу расходов ладонью, сама не понимая почему. Дариан заметил движение.

— Лея, мой дядя. Привёз материалы, которые вы хотели сравнить.

Я поднялась. Ульрих посмотрел на мой стул, затем на вторую дверь и ключ у стола. От этих коротких взглядов мне захотелось объяснить, зачем устроилась именно здесь. Я удержалась и поздоровалась. Плотник прошёл за спиной гостя с перекладной; Ульрих посторонился, не изменив улыбки.

— Веста рассказала о ваших руках. Жаль, я не знал вас раньше. У нас приглашали таких громких мастеров, а в итоге получали опалённые края и длинные счета.

Дариан стоял возле косяка с рукой в кармане; я не могла понять, что думает о словах дяди. Ульрих положил перчатки на полку и протянул мне узкий свёрток.

— Для вашей работы. Медь подготовлена, шёлк подобран к старой основе. Не придётся начинать с чужого сырья.

Я приняла свёрток обеими руками. Правая ещё была слабой; бумага шуршала, пока я перекаладывала вес на левую. Ульрих заметил.

— Уже пострадали?

— Устала после вчерашнего вплетания.

— Внешняя дорожка держит, — сказал Дариан. — Продолжения пока не будет.

Ульрих опустил глаза к моим пальцам. На его плаще блеснула медная застёжка: разомкнутое кольцо, внутри маленький поворот, кончик возвращался к ободу с изнанки. Я вспомнила вчерашнюю дорожку. Перед последним стежком медь уходила под шёлк почти таким же

изгибом; именно оттуда пришёл обратный толчок. Я посмотрела ещё раз, но гость уже расстёгивал плащ.

— У вас узор на застёжке тоже родовой? — спросила я.

Он придержал металлическое кольцо, словно забыл, что носит его.

— Знак хранителя. Открытый край контура должен оставаться под присмотром. Увидели что-то знакомое?

Я разложила свёрток на столе и развязала ленту. Дариан подошёл ближе; я чувствовала его взгляд на своём лице, но не хотела отвечать раньше, чем посмотрю на нити.

— Похожий поворот есть на рисунке. Я его копировала.

— Семейные узоры повторяются. Вам ещё часто встретится это кольцо.

Ульрих снял плащ, повесил на спинку свободного стула. В бумаге лежали три катушки и кусок тёмного шёлка. Я взяла медь, провела ногтем по скрутке. Внутри уже держалась сила, слабая, но устойчивая. Моток отозвался ровным гулом; возле края звук слегка раздвоился. Без образца с покрова я не могла сказать, подходило это для ремонта или нет.

— Где проверяли?

— На внешнем контуре. Здесь же, в доме. Есть запись о партии.

— Хотела бы её получить.

Он достал лист с печатью. Я сверила номер на катушке, положила бумагу в книгу. Под его одобрительным взглядом хотелось двигаться ещё аккуратнее.

— Разумно. Мне нравится, когда мастерица знает, что держит. С этими материалами можно начинать сразу.

— Сперва сравню с обычной медью.

Ульрих взял крайнюю катушку, повертел её, вернул точно на прежнее место.

— Простая скрутка быстрее окисляется. Потратите силу на очистку, которой и так мало. Вам ведь нужно беречь руки.

Если родовая медь снимала часть нагрузки, отказываться из упрямства было бы глупо. Я приблизила катушку к свету, разглядела просвет между витками.

— Поэтому сначала сравню, — сказала я. — Если она облегчает работу, это будет видно.

Дариан спросил, нужны ли мне для проверки другие материалы. Я ответила, что хочу купить несколько независимых образцов в Кальде и показать их цеховому мастеру. Ульрих перевёл взгляд на него.

— Ты собираешься вынести семейный рисунок?

— Речь об образцах, — ответил Дариан.

— Даже образец иногда несёт достаточно. Ты знаешь, сколько бережных держится на нашем контуре.

На листе с печатью я нашла приписку: «Замена родových материалов без проверки на внешнем контуре не допускается». Показала Дариану.

— Если после сравнения я выберу другую медь, что будет?

— Участок проверим перед включением, — сказал он. — Внешнюю нагрузку на время снимем. Для этого и нужен хранитель.

Ульрих сложил ладони за спиной. Я впервые увидела, как исчезла его улыбка. Лицо осталось спокойным, но он смотрел уже на племянника, будто меня в комнате не было.

— Снимать нагрузку придётся по расписанию. В порту не станут ждать, пока супруга найдёт нить, которая ей понравится.

— Она вчера восстановила участок. Ей нужны сведения о материалах. Я буду ждать.

От голоса Дариана стало жарко. Я опустила голову над книгой; он спросил дядю, когда тот может предоставить записи о нагрузках.

Ульрих назвал утро. Я вписала дату рядом с номером партии. Плотник, до этого молча крепивший раму, выпрямился и попросил передать ему деревянный клин. Он лежал возле

моей руки. Я потянулась, но пальцы не удержали; клин стукнул о стол. Дариан подал его мастеру. Ульрих проследил за этим движением.

— Я не мешаю вашим поискам, Леона. Вы будете сами решать, что вам удобнее. Но предупреждение я обязан оставить.

Он взял свой плащ. Медное кольцо качнулось на ткани, открытый край повернулся ко мне. Ульрих выровнял застёжку большим пальцем, и я ещё раз увидела знакомый изгиб.

— Если чужая нить не выдержит перехода, край разойдётся. В городе это почувствуют раньше, чем вы успеете вынуть иглу. У вас онемеют пальцы, а там погаснет защита над людьми. Вы уже представляете, как мало нужно для ошибки.

Я положила руки на книгу, скрыв правую под левой. Хотелось немедленно пообещать, что ничего чужого не куплю, только бы он перестал говорить этим мягким голосом. Дариан потянулся к листу с печатью, но я удержала его за угол и открыла страницу для сравнения. Готовые катушки лежали между мной и Ульрихом. Я написала «Медь из цеховой лавки», не сумев ровно вывести ни одного слова.

Глава 5. Чья жена на городском рынке

Веста принесла записи Ульриха утром, когда я складывала пустые катушки для образцов. За ночь рука окрепла: застёжку футляра закрыла с первого раза, пальцы удержали тугую завязку папки. В записях указали часы, когда можно было ослабить участки внешнего контура; возле двух строк стояло «по отдельному согласованию».

— Он сам приезжал? — спросила я.

— Передал с человеком. Хозяин уже прочёл, велел оставить вам.

Я переложила записи на полку возле собранной вчера рамы. С родовых катушек отрезала по короткому концу, подписала номер. Эти концы ехали со мной. До проверки ни одной новой нити в покрове не будет.

— Сегодня в Кальд, — сказала я. — Сперва красильня, потом цеховая лавка. Вернусь до темноты, если получится.

Веста дала мешочек с восемью серебряниками на материалы и задаток за проверку. Я внесла сумму в расходную книгу. Мои десять золотых и два серебряных лежали отдельно; смешать их сейчас было бы легче всего.

В прихожей Дариан стоял с папкой под мышкой. Я стала объяснять, почему мне не нужна помощь в лавке. Он выслушал.

— Мне нужно в Палату. Поеду позже, — сказал он. — Когда закончите, пришлите туда кучера. Вернёмся вместе, если вас это устроит.

Он спросил, держит ли застёжка. Я открыла крышку, закрыла опять. Дариан улыбнулся; захотелось показать ему ещё что-нибудь удачное. Вместо этого вернулась в мастерскую за ключом, сняла с гвоздя и заперла обе наружные двери. Я ехала за нитками, а собиралась так, словно снова уходила навсегда.

В городе пахло мокрыми канатами и жареной рыбой. Карета остановилась у красильни; Мира вышла на звук колёс, держа локоть испачканного рукава подальше от платья. Увидела меня, вытерла ладони и потянула за плечи внутрь. Я поставила футляр на сухую лавку и дала себя обнять.

— Записку получила? — спросила я ей в волосы.

— Получила. «Инструменты со мной». Кто бы сомневался, что именно это ты сообщишь в первую очередь. Садись, пока я не стащила с тебя плащ вместе с головой.

Она повернула моё лицо к окну. На красильне привыкли различать оттенки; спрятать усталость не вышло.

— Ты опять не спишь?

— Сплю. Не работала вчера весь день. Почти.

Мира убрала руку. Я рассказала про покров, онемевшие пальцы и оплату прихваток. Про слова на покрывале Инессы сказала только, что нашла изменённый шов: повторять чужой обет мне не хотелось даже перед подругой. Мира выслушала, протолкнула мне миску с ещё тёплой кашей и стала соскребать со стола засохшую каплю красителя.

— Два серебряника за прихватки? С рук взяли хоть расписку, что ты действительно получила их, а не обязалась шить кухне до конца жизни?

Я рассмеялась. Мира тоже, затем спросила уже серьёзно, могу ли я уехать, если решу. Я вынула копию рабочего соглашения: взяла её из сундука на случай вопросов в цехе. Подруга прочла строку о ключе, потёрла пальцем край бумаги и вернула.

— Хорошо. Всё равно приходи, когда захочешь. Я твою кровать наверху никому не отдала.

За стеной ученик разбирал мешочки с корой, спорил сам с собой о весе. Я спросила Миру о проверке медных нитей. Она назвала Эсту Мер, мастера цеха, которая принимала заказы через цеховую лавку.

— Оплатишь образцы и запишешь задачу, — сказала Мира. — Она терпеть не может вопрос «тут всё хорошо?». Ты же сама ругаешь таких заказчиков.

Я достала список. Мира прочла и на обороте написала, где в лавке принимают заказы на проверку. Потом решила пойти со мной: ей понадобился закрепитель, а отпускать меня сразу после каши было, по её словам, хозяйственной ошибкой.

В цеховой лавке я выбрала две скрутки простой меди, кусок шёлка и узкую пробную ленту с железной дорожкой. Такие ленты использовали, чтобы ограничивать ток силы на проверках: их нельзя было ставить в рабочий рисунок без расчёта. Продавец вытянул одну из ящика, завернул в бумагу и предупредил, что сильной подпитки она не любит. Я собиралась сравнить поведение разных металлов на отдельном холсте, поэтому взяла и её.

Материалы стоили четыре серебряника, ещё два я оставила за испытание концов родовой меди. Продавец записал номера, вложил пояснения в пакет для Эсты: сравнить с обычной скруткой под одинаковой слабой нагрузкой. Рисунок ядра остался дома. Ответ обещали передать в красильню через три дня.

Мира задержалась у соседнего прилавка. Я стояла возле двери, складывала покупки в футляр, когда услышала своё имя. Ренар вышел из прохода между рядами сукна. Светлые волосы были зачёсаны аккуратнее, чем на испытании, на перчатках ни пятна. В руках он держал несколько листов; я узнала плотную бумагу, которую отец покупал для больших заказов.

— Ты всё-таки в городе, — сказал он. — А мне говорили, что Вейр тебя не выпускает.

Застёжка футляра щёлкнула; Ренар улыбнулся, и у меня похолодели пальцы. Я злилась на себя за испуг: он ещё не подошёл близко.

— Тебе говорили неправду.

— Так объясни. Ты исчезла, не дав никому договорить. Отец беспокоится.

Мимо нас протиснулся мальчишка с тюком. Ренар подхватил меня под локоть, отодвигая с дороги. Точно так же делал на людных улицах прежде, и я на миг позволила. Потом высвободила руку. Он посмотрел на неё, словно это была нелепая выходка, которую пришлось терпеть при свидетелях.

— Лея, хватит. Я пришёл поговорить нормально.

— Мы уже поговорили в Палате.

— Я сделал то, что был должен. Результат все видели. А ты на следующий день оказалась женой другого дракона. Сколько он дал твоему отцу?

Продавец перестал наматывать ленту. Женщина у двери задержалась. Хотелось увести разговор туда, где никто не увидит моего лица; я прижала футляр к боку.

— Моему отцу он ничего не дал.

— Значит, заплатил тебе. Ясно.

Сказал почти ласково. Таким голосом прежде предлагал отдых, когда мне требовалось шить ещё час; я сама обещала быстро закончить. Теперь он подвёл черту, которой я не могла стереть объяснением договора.

Он положил бумаги на прилавок.

— Гален просит вернуть инструменты. Они куплены для мастерской. Нора будет работать, ей понадобится комплект.

— Этот футляр подарила мне мать.

— Коробку. Про инструменты мы ещё посмотрим. И к заказам тебя никто не привязывает, но надо хотя бы передать чертежи. Ты оставила людям оплаченные вещи.

Я взглянула на бумаги. Сверху лежал список: катушки, иглы, костяные пластины, ножницы. У каждой строки отец поставил цену. Внизу он написал, что имущество вынесено из мастерской без согласования. Моё имя вывели полностью; подписи моей не было.

— Не забрал у меня коробку отец, так ты решил попробовать?

— Я пытаюсь избавить тебя от некрасивого разбирательства.

Ренар протянул руку к защёлке. Я отступила, ударившись бедром о прилавок. Листы соскользнули; он поймал верхний, другой упал к моим ногам. Из бокового прохода показалась Мира с мешочком закрепителя. Она бросила его на стойку и пошла к нам, но Ренар уже наклонился над футляром.

— Аллис, уберите руку, — произнёс Дариан.

Я не слышала, как он вошёл. Он остановился возле открытой двери, плащ ещё колыхался после движения, на правой манжете темнел порез. Ренар выпрямился и убрал пальцы с моей коробки.

— Вейр. Мы обсуждаем семейное имущество.

Дариан подошёл. Между ним и Ренаром осталось так мало места, что бывшему жениху пришлось отодвинуться от прилавка.

— Вы обсуждаете имущество с моей женой. Если ещё раз тронете её вещи, продолжим в Палате.

Дариан заслонил меня, и стало легче — пока я не поняла, что разговор опять пойдёт без меня. Ренар улыбнулся ему, сделал примиряющий жест ладонью.

— Я не спорю с вашим правом. Только прежние обязательства...

— Дариан, подождите, — сказала я.

Он повернул голову. Я обошла его плечо, взяла со стойки список. У ног Миры лежал второй лист; она подняла его и протянула мне. Бумага дрожала в моей руке, хотя с утра я совершенно спокойно завязывала тугую папку.

— Здесь нет моей подписи, — сказала я. — Есть только отцовский список. Я не буду сейчас отдавать свои инструменты.

— Их оплатили из средств мастерской, — ответил Ренар. — Ты же понимаешь.

Я прочла первую строку: «Иглы шесть». Одна из шести давно сломалась, две я купила сама на рынке на деньги за ночную поправку чужого шва. Отец не видел покупки, но учёл всё, что лежало у меня на столе.

— Я понимаю, что этот список составили, заглянув в мою коробку. Когда была написана последняя расписка на мой инструмент?

Ренар протянул руку за бумагой. Я не отдала. Дариан отступил на полшага, теперь я видела лицо продавца, Миру и двери. Он остался рядом, но молчал.

— Не стоит устраивать представление из нескольких игл, — сказал Ренар.

— Тогда зачем ты пришёл за ними?

Ренар оглянулся на женщину у двери и понизил голос:

— Ты действительно думаешь, что ему нужна жена? Он тебя нанял. Когда работа кончится, ты останешься с этой коробкой. Нора хотя бы понимает, что такое семья.

Я вспомнила руку сестры с кольцом, её «мы не хотели». Дариан стоял рядом; я не хотела, чтобы он услышал ответ, который собиралась дать из одной только боли. Расправила смятый угол.

— Список я возьму. Пусть отец принесёт доказательства в цех. Там разберём, чьи инструменты. Заказы обсудим отдельно, с теми, кто их делал. Тебе я ничего не передаю.

— Ты сейчас говоришь от имени Вейра?

— От своего.

Я убрала листы. Ренар ждал, будто я должна была предложить ему способ уйти достойно. Я попросила продавца дать чек и стала проверять сдачу, не разбирая цифр, пока не послышались шаги. Мира усадила меня на лавку; Дариан положил рядом с покупками мой упавший мешочек.

Кучер выехал из города раньше, чем я перестала прислушиваться к улице. Мира проводила нас, завернула мне в дорогу ломоть хлеба и велела не отвечать сегодня ни на одно письмо из дома. Я обещать не стала, но оба отцовских листа легли на дно папки. Дариан сидел напротив. Я ждала, что он начнёт объяснять, как правильно было поставить Ренара на место.

— Я увидел вашу карету возле цеховой лавки, — сказал он. — Кучер уже собирался за мной. Зашёл спросить, долго ли ещё ждать.

Благодарность цеплялась за фразу, которой он заставил Ренара отступить.

— Вы тоже сказали: «Моя жена».

Дариан повернулся ко мне от окна.

— Вы моя жена.

— Там это прозвучало так, будто ему не стоит брать вещь, которую теперь держите вы.

Он сдвинул свою папку, мешавшую моей, помолчал. Я готовилась к раздражению.

— Я хотел, чтобы он отошёл, — сказал наконец. — Увидел его руку на вашей коробке.

Потом услышал вас.

— И дали договорить.

— Вы велели подождать.

Я расслабила плечи. На повороте Дариан придержал покупки; свёрток с железной лентой остался в закрытом футляре.

Мы остановились у придорожной харчевни, чтобы сменить усталых лошадей. Возле крыльца был навес со столами; Дариан спросил, хочу ли выйти. Я пошла следом за ним, размяла ноги и впервые внимательно посмотрела на порез у его запястья. Сукно разошлось поперёк медного рисунка, под ним светлела плотная защитная подкладка.

— Что с манжетой?

Он оттянул край. На коже оставалась тонкая красная полоса.

— Разбитая дверная печать. В Палате осматривали изъятое из склада. Осколок прошёл по рукаву.

Я взяла его руку за край ткани, прежде чем подумала, как это выглядит. Дариан замер. Медная дорожка распустилась не до конца; внутренний виток держал, наружный трепетал, когда он двигал кистью.

— Пожалуйста, сядьте. Я посмотрю.

— Рука восстановилась?

Я показала, как уверенно держу тонкую нить. Боль не вернулась, пальцы чувствовали её. Здесь требовалось несколько обычных стежков и замыкание небольшой защиты; сильного родового тока в манжете не было. Дариан сел к столу, снял плащ, положил правую руку на доску. Я достала инструменты.

— Можно снять рукав, — заметил он.

— Можно. Но тогда я не увижу, как рисунок ложится на вашу силу. У вас защита подстроена под руку. Если вы не против, удобнее так.

Он расстегнул пуговицу. Я отвернула сукно, подложила между кожей и швом костяную пластину. Сухожилия на широком запястье натягивались при движении пальцев. Я попросила расслабить кисть, он раскрыл ладонь.

С навеса капала вода. Подошедший хозяин поставил чашки и маленькую лампу, отодвинул табурет к краю, чтобы я сидела в сухом месте. Дариан поблагодарил, затем перевёл взгляд на мои руки. Я связала сукно простым швом, оставила просвет возле медного изгиба. Из футляра взяла обычную подхватную нить. Медь на самой манжете сохранилась, её хватало.

— Эта часть включается по вашему желанию? — спросила я.

— Да. Я держу её малый щит.

— Здесь пустая петля. Раньше что-то было записано?

Он посмотрел на поднятый край.

— Место под личный обет. Я не заполнял.

Я выпустила нить. После материнского покрывала даже свободная петля заставляла осторожноничать. Дариан заметил, что я перестала шить.

— Эта вещь моя. К родовой защите не присоединена.

— Тогда я просто восстанавливаю край.

Я подвела нить под медь. На последнем повороте попросила дать немного силы. Рисунок дрогнул. Тёплым было запястье, ткань оставалась прохладной; я прижала пластину к коже и заметила, что держу его руку крепче, чем необходимо.

— В зале я тоже могу держать малый щит, — сказал Дариан. — По вашей просьбе. Пока вы вплетаете.

— Если узел начнёт тянуть силу, мы не знаем, поможет ли щит.

— Не знаю. От брошенной вещи, оборванной меди, удара — поможет. От того, чего мы ещё не разобрали, обещать не стану.

В тени глаза Дариана казались темнее. За моей спиной переступил конь; я с благодарностью отвела взгляд к дороге.

— Обет в манжете закрепит, на что вы согласились, — сказала я. — Силы больше от него не станет. И отпускать такой узел сможете вы, потому что источник ваш.

— Давайте закрепим.

Мы оговорили одно действие: прикрыть меня при работе, по моей просьбе, если он рядом. До окончания работ над покровом. Я спросила, уверен ли он, что хочет закрепить обещание. Дариан подтвердил.

Я раскрыла пустую петлю. Дариан положил свободную ладонь на стол, направил тонкий ток в собственный рукав и сказал:

— Пока Леона Тарен работает над покровом при мне, по её просьбе прикрываю её своей силой. До окончания этой работы. Этот узел оставляю под своей волей.

Медь легла ровно. Я закрепила её, не направляя в обещание собственную магию. Вещь удерживала только его слова и его силу; никакой ответной клятвы от меня не ждала. Когда я убрала костяную пластину, Дариан медленно повернул кисть. Защита не цеплялась за новый шов.

— Попробуйте отпустить и снова дать силу, — попросила я.

Он ослабил питание манжеты, затем вернул. Виток погас и вновь отозвался тихим гулом. Саму запись обета мы не распускали: для этого пришлось бы открывать петлю отдельно. Я отметила его движение в уме, чтобы вечером зарисовать.

Дариан не убирал руку. Я проверила, не тянет ли край при сгибе, а потом продолжала держать пальцы под манжетой ещё несколько мгновений, хотя проверять больше было нечего. Он посмотрел на меня; большой палец коснулся моей ладони, когда он раскрыл кисть. Я отняла руку, стала складывать инструменты. На новой застёжке пришлось задержаться: всё нужное уже лежало внутри, но я забыла закрыть крышку.

Утром я вернула Весте два серебряника из восьми и чек на шесть потраченных. Личные десять золотых и плата за прихватки остались при мне. Разложила покупки, родовые катушки поставила отдельно. Пакет для Эсты ждал проверки в городе.

Рука слушалась. Всё же я решила обойтись сегодня короткими пробами на обычном холсте, а к покрову не подходить. После дороги голова была тяжёлой; вчерашние слова Ренара вспоминались всякий раз, когда я открывала футляр. Я взяла из него сломанную иглу, которую давно следовало выбросить, и положила рядом с отцовским списком. «Иглы шесть». Как удобно было считать даже то, чем уже нельзя пользоваться.

Дариан пришёл, когда я закрепляла новую медную нить. Постучал в дверь мастерской и спросил, можно ли войти. Я разрешила, не поднимая головы. Он остановился возле рамы; манжета была застёгнута, простой шов не прятали. Мне понравилось, что он её не сменил.

— Щит действует? — спросила я.

— Да. По шву не тянет. Я попробовал утром.

Я взяла рабочий журнал и записала слова обета по памяти, не произнося их вслух, затем нарисовала петлю. Дариан прочёл и исправил одно обозначение направления силы. Рядом лежал перечень имущества. Я перевернула его, но Дариан заметил.

— Это тот список? — спросил он.

Я кивнула. Дариан поднял лист только после того, как я подвинула его ближе. Читал недолго, вернул. Спросил, хочу ли я передать его цеховому поверенному. Я сказала, что хочу, но сперва сделаю копию и соберу то, что помню о покупках. Вести спор по чужим словам больше не собиралась.

Он сел у окна. Я закончила маленький медный образец, затем развернула железную ленту. Закрепила её между двумя петлями пробной дорожки на холсте, чтобы увидеть, где ток начнёт меняться. Шелестящую обёртку прижала миской, взяла тупую иглу.

Слабый ток прошёл вдоль холста и остановился на железе. Лента не грелась, не горела; только тонкий звук поднимался, срывался и снова начинался. Я переставила опору. Повторила, дав ещё меньше силы. Сухой скрежет остался.

У меня похолодело лицо. Я слышала такой на белом шёлке, пока Ренар прижимал свой конец к манжете. В памяти сохранился не весь рисунок, только место, где золотая дорожка теряла ток, и эта короткая неприятная пауза. Я остановила пробу и позвала Дариана, хотя он сидел в нескольких шагах.

— Посмотрите.

Он подошёл. Я объяснила, что слышу. Дариан попросил повторить, если это не утомит. Я дала крохотную подпитку, он следил за светом на медной нити, гаснувшим возле железа. Потом мы закрыли образец и записали, как он был собран.

— Это не та нить, — сказала я, прежде чем он успел спросить. — Та осталась в Палате. Но действие похоже. Там железо спрятали рядом с золотом, а здесь оно лежит открыто.

— Где получили ленту?

— В цеховой лавке. Дешёвый ограничитель для проб.

Я протянула чек. В нём был только номер партии. Дариан развернул придавленный миской край обёртки. На внутренней стороне стояла прямоугольная печать поставщика: продавец воспользовался бумагой из поставки.

Я прочла название мастерской раньше, чем Дариан развернул весь угол. Под ним стояли номер партии и вес. Железную ленту отправили в цеховую лавку Тарены. Я отодвинула миску, расправила лист: на обороте осталось жирное пятно от магазинного прилавка, печать сохранилась целиком. Потом вынула из сумки расписку Палаты на помолвочное полотно и положила

рядом. Отец говорил, что я перенервничала; на моём столе теперь лежали его поставка и бумага на вещь, которую я так и не добилась проверить.

Глава 6. Женщина на портрете

На восьмой день я ждала Дариана в галерее, сидя на холодном подоконнике с чашкой чая. Вчера мы убрали обёртку с отцовской печатью в папку. Я начала обращение в цех, но не подписала: сначала хотелось разобраться с домом, в котором уже работала. К чужой лжи я готовилась охотнее, чем к вопросам своему мужу.

У Инессы на портрете левое плечо оказалось выше правого. Так сидят за пальцами, когда перестают замечать усталость. Я повернула чашку ручкой к себе, лишь бы ещё немного не смотреть на медную табличку.

Дариан вошёл без папки. Я попросила его прийти сюда через Весту; он, должно быть, понял, о ком пойдёт разговор. Увидел чашку на подоконнике, придвинул стоявший под соседней картиной стул, но садиться я не стала.

— Мне нужны все сведения о вашей матери, — сказала я. — Те, которые у вас есть. Включая неприятные.

Он остановился напротив портрета. Я заметила знакомую манжету и досадливо отвела взгляд: шов на его рукаве занимал меня чаще, чем судьба женщины, чьё покрывало я собиралась распускать.

— Что вы хотите спросить первым?

— Что с ней случилось. Как она умерла.

Дариан взял у меня чашку, когда я протянула её, и поставил на подоконник. Я освободила руки заранее: почему-то казалось, что от его ответа непременно уроню её.

— После попытки повредить родовой покров. Четырнадцать лет назад.

Я посмотрела на него.

— Повредить?

— Уничтожить. Она велела разрезать ткань, а когда ей отказались помогать, взялась сама.

Внизу хлопнула дверь, послышался голос Весты. Дариан дождался, пока шаги стихнут. Я прижала ладони к коленям, готовясь слушать.

— Я был в городе. Мне было двадцать два, я только начал службу в Палате. Прислали человека. Сказал, что мать обожгла руки и ей плохо. Когда я приехал, ожоги уже перевязали. Они были небольшими. Я решил, что испугал её, потому что вошёл слишком быстро. Она попыталась встать, не смогла. Я подхватил её, а она стала извиняться за испорченный рукав.

Он говорил ровно, глядя на полосу между рамой и стеной. Умолк, и мне пришлось спросить самой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.